

С письменного стола писателя

Ольга
Иванова

9

Сад Саифа Сараи

отрывок из романа

ТЬМА охватывала город быстрее, чем караван двигался по окраине столицы. Земная пасть поглощала багровый диск солнца с ненасытностью изглодавшегося зверя, и жизнь в огромном поселении затухала с последними отблесками света. Возвышенная натура поэта возрадовалась окончанию пути и увидела в обыденном, но необыкновенно величественном зрелище, – засыпающем степном городе, – повод для прочтения вдохновенных строк:

– И сколько бескрайних равнин я прошёл, –
перечислять не буду, –
Где были холмы подобно седлу,
а голая степь – верблюду.
И чудилось часто, что с нами в путь
Отправились степи и горы,
Что мы на поверхности шара – и вдали
уходят от нас просторы.
О, сколько раз мы палящий день с ночью
соединяли:
В багряных одеждах – закатных лучах
были степные дали.

– Красиво, – мечтательно протянул Жамал. – Это ты написал?

– Нет, мой друг, эти слова принадлежат Мутанабби*.

– Почему ты всё время читаешь чужие рубаи? Я ни разу не слышал строк, принадлежащих твоему каламу.

Юноша смутился, он непроизвольно прижал к себе хурджин**, где хранились те самые заветные свитки. Ну, как объяснить простому погонщику, не умеющему ни читать, ни писать, что он переживает за несовершенство своих сочинений? Его, начинающего поэта, может убить насмешка любого невежды, уничтожить язвительное замечание. Он готов отдать свои творения на суд при-

* Аль-Мутанабби – арабский поэт X века. Перевод С. Северцева.

** Хурджин – сотканная ковровой техникой перемётная сумка из двух отделений, иногда её шили из кожи.

знанных стихотворцев, когда они, прославленные, одобряют его занятие, либо по-стариковски мудро посоветуют направить свой взор куда угодно, только не в сторону поэзии. Как объяснить это Жамалу, который без стеснения мурлыкал рождённые на ходу песенки, смешные и колкие, но чаще оскорбляющие слух множеством изъяснов? Погонщик Жамал относился к тому счастливому племени людей, которые, желая разнообразить долгие фарсахи* степного пути, пели обо всём, что видели по дороге или о любом пустяке, пришедшем в их головы на тот момент. Чтобы не обидеть недавно обрётённого друга, Иман отмахнулся с нарочито беспечным видом:

– Не было подходящего момента, Жамал, прочту как-нибудь, мне ведь нечего скрывать. А посмотри-ка вокруг, куда подевались жители? Город словно вымер.

– Отошли ко сну. Светает ныне рано, надо успеть отдохнуть, – философски заметил Жамал и присвистнул, разглядев, куда втягивался их караван. – Это же постоянный двор кривого Дауда! Ну и скряга наш Кашфулла-баши! В караван-сараяе Дауда самый дешёвый постой, вот он и направил нас сюда, только как

* Фарсах – персидская и среднеазиатская мера длины, примерно равная расстоянию, которое проходит караван до очередного привала. Обычно от 6 до 8 км.

бы нам снова не пришлось ночевать под боком моей любимой Лейли.

Верблюдица, названная так погонщиком с любовью, была нежно привязана к своему хозяину. И Жамал относился к Лейли с не меньшей лаской и заботой, вот и сейчас поспешил в числе первых к поилкам, чтобы его верблюдице в достатке перепала вода, пока не замутнённая желеющими утолить жажду животными.

Иман тем временем побеспокоился об ужине в шалмане**, который располагался рядом. Там он попросил для себя и Жамала по чашке наваристой шурпы с лепёшкой. На шурпу с лепёшкой его скудных средств ещё хватало, а вот заплатить за удобный ночлег юноша уже не мог, он пересчитал несколько серебряных монет в кошельке и вздохнул. У него оставался Коран отца, очень красивый, украшенный узорами, но священную книгу Иману хотелось сохранить. Муддарис Хамза, направивший стопы юноши в сторону Сарая, знал о стеснённых обстоятельствах ученика, но уверял, что в ордынской столице открыто медресе для неимущих, а особо талантливым кров, еду и обучение оплачивает сам повелитель.

Иман отправился в путь, уверенный, что получит место в этом медресе, но, войдя в Сарай, ощутил холодок сомнения. Так ли он талантлив, а вдруг

** Шалман – кабак, харчевня, трактир.

«Самый тонкий и изящный поэт Золотой Орды»

Так охарактеризовал поэта Саифа Сарая известный поэт и переводчик Равиль Бухараев. И невозможно не согласиться с ним, погружаясь в строфы газелей и поэм, созданных Саифом Сарая семьсот лет назад.

По сведениям историков, Сарай родился в 1321 году в местечке Камышлы, по предположениям, в тех самых Камышлах, что находятся в Самарской области. Обучался поэт в столице Улуг-Улуса – Сарай ал-Джадиде, где творил и жил много лет, об этом нам говорит его тахаллус* «Саиф Сарай».

* Тахаллус (араб.) – прибежище. В восточной литературе псевдоним, литературное имя.

в приюте поэтов не окажется свободных мест, или сведения, добытые уважаемым Хамзой, окажутся всего лишь слухами, какими наполнен каждый караван, порой проходивший через Камышлы? Ведь мударрис не скрывал, что слышал о таком заведении от торговцев, которые во всяком деле знают толк, обо всём рассуждают с видом бывалого человека, да только не отличить в их речах истину от выдумки или народной молвы, приукрашенной по собственному усмотрению рассказчика. Не миф ли чудесное медресе? Или же правда слишком преувеличена и плата за обучение существует, пусть и ничтожная, но ведь и её нужно отыскать.

Иман вновь взглянул на зажатые в ладони монеты, а после на хурджин, в нём угадывались очертания большой книги, и явственно представилось, как чужие пальцы будут листать шершавые, пожелтевшие страницы, читать нараспев священные строки. Жаль отцовский Коран, но сколько ни сокрушайся, ни противься этой мысли, а всё же придётся продать. Решил – и сразу стало легче!

Сын Хусаина-хаджи расположился на ковре, устлавшем помост шалмана и истёртом до залысин ногами и задрами тысяч посетителей, и в ожидании ужина принялся рассматривать припозднившихся гостей. Многие были ему знакомы, они пришли с караваном из

Хорезма и теперь готовились отпраздновать прибытие в Сарай за обильным дастарханом. Торговцы без сожаления доставали кошель, не считаясь с затратами, кто-то громко попросил вина. На него покосились с осуждением, но узнав в гуляке купца из Кафы, понимающе переглянулись. Что возьмёшь с неверного? Генуэзцы с полуострова ни одну трапезу не начинают без хмельного питья, в их странах вино подобно воде. А вот для истинного мусульманина вино запретно, и под крышей гостеприимного заведения в этот поздний час собралось немало правоверных. Они ревностно относились к исполнению исламских канонов, прежде чем приступить к еде, сложили ладони лодочкой, прочтя молитву, огладили лица и бороды привычным движением.

Юноши Имана ещё на свете не было, когда Узбек, воцарившись в Великом Улусе, принудил ордынскую знать поменять религию. Но религия не платье, не скинешь в одно мгновение, и Небесного Тенгри, в которого верили предки, так быстро не заменишь Аллахом с его строгостями и запретами. Не поменяешь и ясак Чингисхана на неведомый прежде шариат. Кочевая знать воспротивилась и по приказу Узбека лишилась голов, а те, кто остался в живых, урок усвоили и заявили о готовности перейти в ислам. За ними потянулся простой люд, некоторые из страха, другие в поисках выгоды, кто-то

Но в последние годы жизни он вынужден был уехать в Египет, куда от «великой замятни» и от разрушительных походов Тимура бежали многие ордынские учёные и поэты. Известно, что в Каире Саиф Сараи служил в канцелярии мамлюкского султана Баркука. В Египте же были созданы дошедшие до нас произведения поэта – «Гулистан бит-тюрки» и «Ядгяр-наме». Несколько строк – и это всё, что нам известно о прекрасном поэте. Позволит ли далёкое прошлое заглянуть в свои тайны, приоткроет ли ещё хоть одну страничку жизни великого Саифа Сараи, неизвестно. В Центре исследований Золотой Орды и татарских ханств имени М. А. Усманова надеются побывать с экспедицией в Египте и найти могилу поэта. Возможно, тогда станет известно настоящее имя Саифа Сараи и отыщутся бесценные

принял исламские заповеди всей душой, а иные приспособились.

Шурпу с горячими лепёшками Иману подали в числе последних. У проворного служки глаз намётанный, он стремился угодить посетителям с туго набитым кошелём, а скромный юноша в потрёпанных одеждах едва ли окажется щедрым. Но покойный отец недаром учил сына терпению, Иман не стал пенять служителю, что ему так долго пришлось ожидать, и хотя шурпа уже остыла, зато лепёшка пыхала жаром. К её румяной поверхности пристали мелкие угольки, и Иман стряхнул чёрную пыль ладонью, взглянув на устроившегося напротив Жамала.

– Ты вовремя подоспел, друг, как нам мечталось в дороге о только что испечённой лепёшке.

– Сегодня ты угощаешь, Иман?

– Разве такой малостью смогу отблагодарить за все твои заботы в пути. Да и здесь снова выручаешь меня.

Погонщик вздохнул:

– Увы, я надеялся разделить с тобой топчан, но Кашфулла-баши из десятков местных караван-сараев выбрал самый переполненный, а потому ночь вновь придётся провести рядом с Лейли. К нашему счастью, моя девочка такая мягкая и ласковая.

Иман не смог удержаться от смеха, хотя сожаление царапнуло душу. Он мечтал о хорошем отдыхе, а провести ещё одну ночь под боком дурно пахнущей верблюдицы – сомнительное удовольствие. Скучная трапеза не за-

няла много времени, вскоре они уже готовились отойти ко сну. Жамал, подкладывая под голову свёрнутую попону, пробурчал:

– Нашим торговцам нашлось по лежанке с тюфяком, устроились в своё удовольствие, а мы опять под открытым небом. Не дай, Аллах, дождя на наши головы.

– Обойдётся, – улыбнулся Иман, закидывая руки за голову. Чёрный небосвод горел тысячью звёзд, и даже тени туч не виделось на нём. – А зависть – плохое чувство, Жамал. Есть такая притча у Аттара*.

– Расскажи! – мгновенно откликнулся погонщик.

Иман не заставил просить себя дважды, ему нравилось освежать свои знания.

– Жил в одном городе дервиш, у которого часто спрашивал совета шах. Советы были так хороши, что правитель каждый раз одаривал мудрого человека, но вот сосед дервиша исходил завистью, когда видел такое благополучие ближнего. И решил погубить его. Пришёл к шаху и сообщил, что дервиш клеветает на правителя, а проверить это легко, стоит лишь пригласить советчика на следующий день к себе. Дервишу станет стыдно за свой вчерашний навет, и он в разговоре будет отвора-

* Шейх Фарид-ад-дин Мухаммед бен Ибрагим Аттар – знаменитый персидский суфийский поэт XII века.

рукописи. А пока в романе поэт обрёл имя Иман, что означает вера и символизирует связь с Аллахом. И эту крепкую веру Саифа Сарая, его любовь к людям, стремление к справедливости и бескорыстие мы видим в сочинениях поэта. Несомненно, таким он и был.

Роман о его жизни – художественный вымысел, но уже традиционно автор погружает читателя в подлинные исторические события тех времён, свидетелем и участником которых был сам поэт. Первая книга дилогии «Сад Саифа Сарая» охватывает почти тридцатилетний период существования Улуг-Улуса при правлении ханов Узбека, Тинибекка, Джанибекка, Бердибекка

чивать лицо. Шах послушал завистника и последовал совету. Но прежде сосед зазвал дервиша в гости и подал к обеду жареную баранину, щедро приправленную чесноком.

– Ай, Иман! – причмокнул Жамал. – Как аппетитно ты рассказываешь. Нам бы сюда эту запечённую ножку, от неё такой дух исходит, что у меня в животе заурчало.

– Да ты ненасытен, брат, кто недавно съел большую лепёшку да ещё полной чашкой шурпы запил?

– Я уж и позабыл! – усмехнулся вечно голодный погонщик. – Так продолжай же, что было с дервишем, когда он съел вместо меня эту замечательную баранью ножку с чесноком?

– Дервиш пришёл к шаху, но, боясь оскорбить правителя дурным запахом изо рта, всё время отворачивал лицо. Шах, уверившись в предательстве своего советника, дал ему запечатанное письмо с просьбой отвезти его гуляму. А в письме содержался приказ казнить подателя послания. Дервиш пошёл к гуляму, но по дороге встретил завистливого соседа, который решил, что в свитке содержится очередная награда, ведь вышел этот счастливец невредимым из дворца, сумел вывернуться. Клеветник выпросил письмо, сказав, что его дорога лежит к гуляму. Дервиш бумагу отдал, и соседа казнили вместо него. Так что засыпай, мой друг Жамал, под открытым небом и не завидуй торговцам, что улеглись на мягких топчанах. Никто не знает в нашем случае,

кому повезло больше, тому, кто дышит вольным воздухом, или задыхается в тесных стенах и духоте.

Погонщик ответил ему мирным посапыванием, он незаметно для рассказчика, да и для себя провалился в объятия сладкого сна. Иман улыбнулся и попытался последовать примеру товарища, но на каменных плитах постоянного двора было спать не то, что на степной траве. Поворочавшись, юноша решил отправиться на поиски более подходящего и уютного места. Но куда бы Иман ни заглядывал, всюду спали постояльцы. Он слышал их сонное бормотание, храпы и неожиданные вскрики. Возвращаясь, юноша остановился полюбоваться ночным небом, так быстро и незаметно накинувшим свой звёздный плащ на столицу Улуг-Улуса. Небо, подобное чёрному бархату, представлялось пальцами в руках Великого Создателя, искусно расшившему небесный купол шлейфами самых ярких созвездий. Юный поэт так долго глядел на небо, что у него закружилась голова, а на востоке, к его удивлению, уже посветлело, серая кромка отделяла тёмную земную твердь от бездонного свода. Не сразу, но вскоре явится в Сарай розовая зорька, живущая по своим законам, ей нет никакого дела до людей, до укороченного её пробуждением человеческого сна. Летнее солнце не терпит лени, разбудит любого своими лучами. Эта светлеющая кромка поторопила Имана, для сна ему оставалось совсем немного, и он пошагал быстрее,

и начала «великой замятни». Это было время от наибольшего расцвета государства до его раздробления и ослабления, время перемен и переворотов, рождения философских трудов и известных поэтических сочинений. Поэты такой величины, как Саиф Сараи, не могли оставаться в стороне от дворцовой жизни, а, значит, попадали в водоворот больших событий и становились порой их важными звеньями. Они являлись совестью правителей, гласом, обнажавшим язвы общества, не только сладкоголосыми певцами, но и беспощадными критиками. Таким предстаёт в романе и поэт Саиф Сараи – самый тонкий, изящный, совестливый и справедливый сын своего народа.

туда, где устроился со своей верблюдницей друг Жамал, а в голове уже бились строки о том чуде, которое зарождалось у края Земли:

**Орёл зари, раскрыв крыла
среди золотых зыбей,
С небес спугнул созвездья прочь,
как стаю голубей.
Завоевательница-ночь
пережила разгром,
Как натиском сирийских войск
поверженный Ромей.***

14

Иман пожалел, что под рукой не оказалось калама и чернил, хурджин остался рядом с поклажей погонщика, и он уже подумывал, не пожертвовать ли сном ради новой касыды, да вот только глаза слипались сами собой. Слегка приоткрытая дверь амбара, мимо которого юноша проходил, поманила заглянуть внутрь, а там – большие тюки, привлекавшие соблазном мягкого ложа. Он вновь почувствовал усталость после долгого дня и не стал разбираться, почему помещение для хранения товара не заперто. Амбар ожиданий Имана не обманул, в потёмках он сразу нащупал сложенные друг на друга тюки, будто кто-то приготовил их для сладкого сна. Долго не раздумывая, он забрался наверх и раскинулся привольно.

– Ай! – темнота вскрикнула, стоило ему повернуться на бок, вытянув руку.

– Кто тут?! – Юноше подумалось, не наткнулся ли на караульщика амбара, который задремал на посту, потому тихонько сполз вниз и поспешил оправдаться. – Простите меня, уважаемый, я забрёл сюда лишь в поисках, где можно переночевать.

Караульщик не ответил, прошуршал как мышь, забившись куда-то в угол.

– Уважаемый, – вновь негромко окликнул его Иман, – вы позволите мне остаться здесь? На рассвете я уйду, никто и не узнает.

– Можешь спать, сколько тебе угодно, – отозвалась тьма.

Иман пожал плечами, ситуация казалась ему странной и непонятной, но раз получено разрешение, почему не воспользоваться им. К тому же спать хотелось так, что сил уйти уже не осталось. Более не задумываясь, юноша взобрался наверх и, уже проваливаясь в сладкие объятия сна, пробормотал:

– Благодарю. Я – Иман, сын Хусаина-ходжи. А тебя как зовут?

– Ахмет, – прошелестела тьма и окончательно погрузила Имана в сонное беспмятство...

Проснулся он, словно от толчка, сквозь щель приоткрытой двери проник дневной свет. Иман почувствовал, как онемело плечо, он пошевелился, потянул руку к затёкшему месту и обнаружил чью-то шапку. Покосившись, юноша увидел мальчишку, притулившегося рядом, голова ночного сторожа устроилась на его плече, а сам он тихонько посапывал в своё удовольствие. Каково ему будет, когда хозяин постоянного двора, кривой Дауд, обнаружит своего караульщика спящим на посту? Иман слегка потряс сторожа:

– Эй, Ахмет, проснись. Утро уже.

Мальчишка потянулся, заводя руки за голову, и вдруг подскочил, округлив и без того большие чёрные глаза.

– Тебе чего? – спросил он хриловато, пытаясь сделать свой голос басовитым.

«Хочет выглядеть взрослей, чем он есть», – догадался Иман, но смеяться над караульщиком не стал.

– Утро, все уже встали. Слышишь? Я, пожалуй, пойду, а то хозяин тебя поругает за то, что пустил незнакомца в амбар. Тут товара, наверно, на сотни динаров.

– Очень уж я боюсь! – хмыкнул мальчишка.

Иман, спустившись с тюков, отрянул одежду:

– А ты дерзок! Не боишься, значит, наказаний?

– Кто посмеет меня наказать? – с ещё большим вызовом спросил караульщик.

* Саиф Сарай, перевод Бухараева.

Иман только головой покачал, впервые ему встречался работник, так непочтительно относившийся к хозяину. Видно было, что мальчишка не из невольников, но у какого зависимого человека отыщешь столько презрения ко всему вокруг, если только у кочевников, которые не привыкли подчиняться и загонять себя в узкие рамки, как городские жители. Видимо, и этот черноглазый пострелёнок не так давно появился в Сарая, не научила его жизнь уважению и ответственности за порученное добро, или же учить было некому. А юный караульщик, словно подтверждая его мысли, толкнул дверь амбара и первым выбрался наружу, не позаботившись о замке и бросив товар на волю судьбы. Иман поспешил следом и натолкнулся на Жамала.

– Куда ты подевался, брат, я тебя везде ищу? А это кто? – Погонщик проводил мальчишку взглядом и хохотнул насмешливо. – У красавчика глаза, как у моей Лейли, да и шея такая же длинная и грациозная.

– Нашёл красавчика, – буркнул Иман. – Безответственный малец, к тому же невоспитанный и строптивый.

«А глаза, действительно, хороши, большущие, немного скошенные к вискам и с длинными ресницами. И походка у него какая-то танцующая. Уж не из тех ли он мальчиков, что ублажают похотливых мужчин? Избави, Всевышний, от такого греха!» Юноша ощутил, как румянец стыда омыл щеки. Иман знал таких, довольствующихся запретными утехами, в своей прошлой жизни. Он шёпотом сотворил молитву и отправился вслед за погонщиком.

Юный поэт ещё не успел решить, как станет выполнять прежние намерения. В Сарая было немало медресе, но Иман хотел бы учиться там, где преподавали прославленные мастера слова, но у кого узнать, где находится осенённое поэтической благодатью заведение? Первое, что приходило на ум, это базар или шалман, только в этих местах соберёшь слухов с мешок, потом успевай перебирать. Но следует пом-

нить, на прямой вопрос редко получишь исчерпывающий ответ, там лучше подходить издали, закидывать приманку с целью поймать богатый улов. Если разговоришь местного знатока, то получишь всё, к чему стремился, но шалман при караван-сарая не назовёшь лучшим местом для сбора правдивых сведений, ведь его посетители люди пришлые, но зато любознательные. Они непременно прогуливались по ордынской столице, любуясь её великолепными строениями. Коли расспросить, охотно поделятся тем, что знают и о чём слышали мельком. А друг Жамал торопил:

– Эти лепёшки из тандыра так пахнут, а у меня в животе урчит, идём позавтракаем, пока голодная орава не опустошила все котлы.

– Перекусить не помешает, а потом отправлюсь на поиски медресе, глядишь, там договорюсь о проживании. Стыдно всё время полагаться на тебя, брат Жамал, ты и сам без крыши над головой.

– Сейчас с постоянного двора уходит караван на Азак, освобождаются места, всегда рад разделить с тобой тёплую лежанку. Я понятливый, брат, знаю, что не всем по нраву объятья моей милой Лейли, потому ты и отправился под бок к тому смазливому мальчишке.

Погонщик подмигнул и пихнул локтем вспыхнувшего Имана.

– Я и в мыслях не держал ничего такого, – забормотал юноша, в ужасе подумав, что Жамал, видимо, заглянул в амбар ещё до их пробуждения и заметил, как они спали едва ли не в обнимку. О чём он мог подумать? – Не мог заснуть на земле, вот и отправился искать место помягче, потом увидел, что дверь в амбар приоткрыта...

– Эй, дружище! Оправдываются виноватые, а я просто пошутил! – Жамал хлопнул Имана по плечу и тут же убыстрил шаг. – А ну догоняй!

Юноша не рассердился на своего жизнерадостного попутчика, словно камень упал с души, теперь и он мог так же беззаботно рассмеяться, как и Жамал. Его не расстроило даже то обстоя-

ительство, что в кошеле остались последние монеты, ведь он намеревался подзаработать где-нибудь. А если, как его уверяли, учебное заведение в Сарае окажется бесплатным, он и вовсе не станет опасаться за своё будущее. Мюрид всегда может получить монетку за составление бумаг или написание изящных строк по заказу влюблённого обывателя, а этого хватит, чтобы не умереть с голода. Так думалось юноше, по своей наивности не заглядывавшему слишком далеко. Он позвенел дирхемами, доставая из-за пояса исхудавший кошель.

– На лепёшки и айран, пожалуй, хватит.

– И не только на лепёшки, – бодро подхватил Жамал, подкинув вверх свой кошель. – Хозяин заплатил мне сполна, только заявил, что с этого часа мы станем сами заботиться о ночлеге и о своих животных, а он задумывается, не задержаться ли ему в Сарае до конца лета, потому распускает всех нанятых работников.

– Так ты остался без дела? – опечалился за друга Иман.

Но тот и не думал унывать:

– Для меня и Лейли ярмо всегда найдётся! В этот караван до Азака звали, но нам с моей девочкой нужно передохнуть. И тебя, брат, не брошу, пока не добьёшься звания мюрида. Так и вижу дорогого Имана, беседующего с седебородами мудрецами и читающего свои газели.

Иман в ответ похлопал погонщика по плечу и огляделся. Шалман в этот час был полон, но многие, отбывавшие с караваном на Азак, торопились закончить трапезу, и уже можно было отыскать свободный уголок, только не хотелось забираться в тесное чрево шалмана, и он предложил Жамалу: – Присядем к краю.

Спешить было некуда, потому и сбивавшихся с ног служек к себе не подзывали, ждали, когда схлынет поток посетителей. Суматоху у въезда на постоянный двор заметили не сразу. Но вдруг засуетился хозяин шалмана, до

того неторопливо цедивший пенистый кумыс из подвешенного бурдюка, и соскочил со скамьи сам владелец караван-сарая – кривой Дауд. На постоянный двор въехал отряд. Кони под седоками выделялись ростом, роскошными гривами и дорогой сбруей, поступь их была нетороплива, а бока не лоснились от пота, как после дальнего пути. Да и богатые наряды всадников вкуче с уверенным видом выдавали в гостях столичных вельмож.

Иман залюбовался тем, кто возглавлял отряд, – такого большого, сильного мужчину ему ещё не приходилось видеть. Его коричневый с золотистыми узорами длиннополый кафтан перетягивал пояс, сиявший десятком ярчайших камней, блистала и сабля в дорожных ножнах, и кинжал, одна оправа которого стоила хорошего скакуна. Всё в этом человеке, начиная от поразившей юношу внешности до убранства всадника, выглядело великолепно и непривычно для глаза жителя скромной окраинной провинции.

– Погляди, – подтолкнул Имана Жамал, – не иначе сам солтан заглянул в эту дыру! Он же сияет, как слиток золота, на нём столько драгоценных камней, хватит обеспечить сотню нуждающихся.

Иман удивлённо встрепенулся:

– Так это сын хана Узбека?

Погонщик фыркнул, довольный розыгрышем наивного юноши:

– Успокойся, дружище, мурза Тенгиз-Буга – не солтан, но приближён к одному из сыновей повелителя, может и ест с ним из одного блюда или сидит по правую руку. А у кривого Дауда мурза появляется часто, у них тут общие делишки.

– Тебе откуда знать? – недоверчиво буркнул Иман. – Личным конюхом у господина служил или пас его верблюдиц?

Насмешка друга на этот раз рассердила, слишком уж бесцеремонен бывал порой погонщик. Жамал в Сарай ходил, как к себе домой, и многое в своих странствиях повидал, а Иман далее

Камышлы не выезжал. На мир он смотрел глазами юноши, воспитанного в благочестии и уважении ко всем. А верблюжий пастух вырос подобно сорной траве, вот и вёл себя непочтительно и пренебрежительно к достойным вельможам. Иман даже отодвинулся от своего попутчика, а заодно и от подноса, на котором служка принёс горячие лепёшки, катламу, чашку курута и пиалы с шурпой, в которой плавала длинная лапша. Была она аппетитной, поддёрнутой янтарным жирком, вспухшей до умеренной готовности, такую следовало употребить немедленно, пока не остыл бульон, а лапша не разварилась до кисельного состояния. Погонщик, не замечая холодности товарища, принялся за еду, а Иман вновь перевёл взгляд на привлёкших его внимание всадников.

Хозяин караван-сарая подобострастно кланялся прибывшим:

– Чем я заслужил такую милость, высокородный мурза Тенгиз-Буга, не иначе само солнце рода Кият заглянуло в мой ничтожный дом! И вас, достойнейший, лучший из воинов Лачинбатыр, я счастлив видеть в добром здравии и благополучии! Может ли преданный раб Дауд послужить вам?

– Можешь! Я приехал за девушкой! – громко отвечал Тенгиз-Буга.

– За девушкой? – Дауд озадаченно почесал затылок, его единственный глаз вопросительно взирал на возвышавшегося над ним мурзу.

Тенгиз-Буга сошёл с коня, но и, стоя на своих крепких ногах, был выше всех присутствующих. Иман не уставал дивиться могучей фигуре сарайского вельможи, его поэтическое воображение сравнивало мурзу с великаном из волшебной сказки, того самого, который с лёгкостью крушил горы и вырывал деревья с корнем. Показалось, как будто и Тенгиз-Буге ничего не стоит ухватить хотя бы вон тот приземистый вяз, росший рядом с помостом шалмана и дающим спасительную тень гостям караван-сарая, ухватить и вскинуть на широкое плечо.

Мурзе не по нраву пришлось недо-

гадливость и медлительность кривого Дауда, заходили желваки на широких скулах, но хозяин постоянного двора не мог взять в толк, что так сердит господина. Он никогда не осмелился бы предложить важному вельможе женщин, предназначенных для утех путников, но уж если Тенгиз-Буга так пожелал... Дауд хлопнул в ладоши, шепнул на ухо подбежавшему к нему прислужнику, и тут же поклонился ещё подобострастней, чем прежде:

– Сейчас вам, светлейший мурза, приведут всех девушек, живущих под моим кровом, но боюсь, что ни одна из них не достойна вашего благосклонного внимания. Эти невольницы ничтожны и вовсе не похожи на цветущие розы, они...

Кнутовище, зажатое в мощном кулаке мужчины, взлетело, но не ударило согнутую спину, мурза лишь хлопнул рукоятью по собственной ладони.

– Зачем мне твои изъезженные кобылы? На постоянный двор вчера вечером вошла девушка, её имя Айбика, и она дочь Кайчуры-бека.

– Упаси меня Аллах от потери памяти, но я не видел госпожи, о которой вы говорите! – в ещё большем недоумении воскликнул Дауд. Он даже повёл руками по сторонам, словно призывая свидетелей. – Взгляните сами, мой великодушный господин, ко мне заворачивают караваны и простые путники, здесь ищут уют люди бедные и незнатные, что здесь делать высокородной госпоже?

– Но мой человек, следивший за бикой, уверял, что она скрылась с его глаз за этими воротами!

До Имана доносились лишь отрывки разговора между кривым Даудом и Тенгиз-Бугой, и он, подвинувшись к перилам, прилаженным вдоль помоста, произвольно навалился на них. Дерево прогнулось под его тяжестью, жалобно скрипнуло и неожиданно треснуло прямо посередине. Юноша с трудом удержался от падения под смех уплетающего лепёшки Жамала. На сегодня погонщик истощил до дна чашу его тер-

пения, Иман резко обернулся, готовясь оборвать хихиканья попутчика, и осёкся. Мальчишка, с которым этой ночью делил мягкие тюки в амбаре, надвинув большую шапку на самый нос, бочком пробирался в самый конец помоста. Он и внимания не обратил бы на нерадивого сторожа, если б из-под шапки не выглянула вдруг толстая чёрная коса. Подскочив с места, Иман быстро обогнул спешившего к очередному посетителю служку и, схватив ночного знакомца за руку, прыгнул вместе с ним с помоста.

Этот край шалмана находился на почтительном расстоянии от места, где топтался отряд мурзы, а заросли кустарника и вовсе могли укрыть их от ищущих взглядов, но ненадолго. По решительному настрою Тенгиз-Буги и подслушанному разговору Иман понимал, что после расспросов начнутся поиски, а тогда никакие кусты не помогут. От предпринятых прыжков с «мальчишки» слетела спасительная шапка, и юноша смог убедиться в собственной догадке – под чужой личиной пряталась девушка. Не сговариваясь, они присели и принялись шарить в зарослях в поисках головного убора.

– Это тебя ищут? – спросил одними губами Иман.

– А тебе какое дело? – сердито, но так же шёпотом отозвалась она.

– Долго здесь не усидишь – найдут.

– Тогда придумай, что делать?

Иман осторожно выглянул из-за угла помоста, мурза уже раздавал приказы громким голосом. Воины спешили и разделились, одни принялись заглядывать в жилые помещения постоялого двора, другие отправились обшаривать амбары.

– Старательно ищут, – доложил Иман, опускаясь на корточки рядом с девушкой, – мимо них не проскользнуть.

Она уже спрятала косы под шапку, запахла в несуразно широкий чапан.

– Пойду так. Кто в обычном мальчишке узнает...

– Тише, – Иман, услышав неясный шорох над их головами, прижал девушку к себе. Она смолкла послушно, только сердечко застучало пугливо на груди юноши, словно его собственное, трепещущее. На мгновение они слились в объятии и затихли.

– Эй вы, птахи.

Иман поднял взгляд и увидел белозубую улыбку погонщика.

– Жамал!

– Тш-ш! – Товарищ прыгнул к ним в кусты, огляделся. – Здесь в ограде раньше пролом был, если его не заделали, пусть Аллах даст нам путь.

Иман и думать позабыл о недавних обидах на друга, а тот нырнул куда-то в сторону и через секунду прошуршал обратно:

– Есть ход, айда за мной.

Вскоре они оказались за пределами постоялого двора и пустились бежать по небольшому пустырю, заросшему невысокой серебристой полынью и пушистыми шарами типчака. По нему лениво топталась собственность караванщиков – вся четвероногая челядь от лошадей и верблюдов до серых ослов, из тех, кого отправили на вольный выпас. За конскими крупами и песчано-жёлтыми горбами невозмутимых верблюдов беглецы оставались незамеченными, а сразу за пустырём свернули на кривую улочку. Из-за невысоких глинобитных оград раздавался дружный перезвон и перестук наковален и молотов. Запылавшись, они остановились отдышаться около изгороди.

– Кузнечная слобода, – шмыгнув носом, пояснил Жамал. – От неё можно попасть в слободу ткачей, потом тюбетечников. А если в обратную сторону – выйдем к кожевникам, но можно спуститься к реке. Так куда пойдём?

Погонщик не переставал удивлять Имана.

– Да, ты, брат Жамал, в Сарае, как рыба в воде! А я-то раздумывал, в какой стороне мне медресе искать, не знал, у кого спросить.

Жамал рукавом смахнул пот со лба, улыбнулся хитро:

– А вот про медресе ничего не под-скажу. По ремесленным слободам то-вар развозить приходилось, а прогули-ваться по площадям, глаза на дворцы, не довелось, и чалмы учёным шакир-дам не поручали развозить.

Девушка нарочито громко кашляну-ла, заставив погонщика обратить вни-мание и на неё:

– А ты, джигит, зачем понадобился доблестному мурзе? Он, гляжу, загорел-ся изловить тебя во что бы то ни стало.

– Не желаешь ли ему помочь? – дерзко ответствовала она хрипловатым голосом.

Иман промолчал, подчиняясь не-заметному знаку, поданному ею. Раз уж беглянка не желала раскрываться перед Жамалом, то и ему приходилось хранить её тайну. Самое неприятное оказалось в том, что товарищ продол-жал подозревать его в греховных при-страстиях, и бросал в их сторону не-двусмысленные насмешливые взгля-ды. Чего ещё ожидать от караванного погонщика, влюблённого в свою вер-блюдицу? Но как избавиться от назой-ливого присутствия Жамала, если толь-ко напомнить о делах, которые ждут его:

– Ты с нами собрался, дружище? А на кого свою Лейли оставил?

Иман, не желая выслушивать оче-редные расспросы, решительно взял девушку за руку:

– Мы пока к реке пойдём, там укрыться легче. А ты нам сообщишь, когда мурза удалится. Там и придума-ем, как дальше быть.

За поворотом, когда не стало видно Жамала, девушка вырвала руку. Иман стушевался, он вовсе не держал ничего дурного в мыслях, а получилось неудо-бно. Одно дело тащить хоть за ворот сопливого мальчишку, другое – девуш-ку, коснуться руки которой при других обстоятельствах посчитал бы дерзо-стью. Стремясь скрыть смущение, он поинтересовался:

– Тебя ведь не Ахмет зовут, а как тогда?

– Разве не слышал, каким именем мурза называл?

– Слышно было плохо.

– А-а, так это ты своё ухо подстав-лял, когда имущество шалманчи пору-шил.

Иман вспыхнул, вспомнив, как едва не кувыркнулся с помоста, сломав рас-шатавшиеся перила, а девчонка, зна-чит, всё видела. Вон, теперь смотрит с издёвкой, поблёскивая озорным чёр-ным глазом. В тот короткий миг, когда он увидел её без уродливой шапки, Иман не разобрал, красива ли она, только сейчас, даже в лохматом уборе, натянутом по самые брови, видел, что хороша. Лицо круглое, кожа нежная, губы, будто зёрна граната, налитые со-ком, и нос небольшой, хоть и задран нахально. А вот глаза, лучше и не най-ти – такие большие, слегка вытянутые к вискам, и от черноты своей кажутся бездонными. «Эх! Не глядись в этот ко-лодец, Иман, утонешь!» От присталь-ного разглядывания его вновь оторвал язвительный голосок спутницы:

– Ты чего уставился, онемел, что ли? Я спросила, не завалилась ли в твоём хурджине хотя бы чёрствая лепёшка?

«А голос у неё, как у вздорной ос-лицы, – невольно продолжил мыслен-ный монолог Иман. Но стремление к справедливости всё же заставило по-правиться: – Нет, я не прав, – голос красивый, мелодичный, когда она не пытается сделать его грубей, но колюч-ки из этих прекрасных уст летят, словно стрелы, только успевай увернуться!» Смысл заданного ею вопроса, нако-нец, добрался до сознания юноши, и он встребенулся.

Сколько Иман ни обшаривал хур-джин, мешок не оправдал надежд, не было в нём ни крошки, только отцов-ский Коран и свитки со стихами, а све-жие лепёшки так и остались на подносе в шалмане. Девушка это поняла, загля-нув без лишнего церемоний внутрь.

– Теперь живот к спине прилипнет, – вздохнула она, – и всё из-за тебя, глупец, не мог чего-нибудь съедобного прихватить?

– Я же ещё и виноват! – возмутился такой несправедливостью Иман. – Тебя

торопился спасти, хотя предполагал, что ты – обычный воришка, стащивший кошель у мурзы!

Девушка, к удивлению юноши, не осерчала, а, лукаво подмигнув, тихо-нечко хихикнула:

– Ты близок к цели! Я и стащила, только не кошель, а целый мир из-под носа Тенгиз-Буги увела со всеми его мечтами и грязными помыслами. Хватит болтать, двигаи ногами, уйдём подалее от людских глаз, а там решим, как быть.

Она поспешила вперёд, сорвав по пути гибкую веточку и похлёстывая ею по пыльной дороге. Иману осталось лишь последовать за девушкой, ворча про себя: «Ещё и распорядится, оса! Угораздило же меня вместо того, чтобы идти по праведному пути, завещанному отцом, связаться со скорпионом в чужом обличье! О не приведи Аллах, попаду я с ней в очаг бедствий!»

– Так ты идёшь или каждому кусту молишься?

– Иду-иду! – сердито отозвался юноша, сетуя на себя. «И почему не свернул с пути, дорога открыта, ведь обходилась она как-то без меня, справится и сейчас». Подумал, но плестись следом за дерзкой девчонкой не перестал, а чтобы обрести мир в собственной душе, решил дожидаться друга Жамала и с ним обсудить ситуацию. Погонщик старше его, да и опытней в каверзных делах, рассказывал на стоянках, в каких только переделках не побывал. Жамал всё расставит по своим местам, глядишь, взвалит эту ношу на свои плечи, освободит Имана, и пойдёт он своей дорогой.

Навстречу им двигалась арба, босоногий мальчонка восседал на облучке с видом падишаха, владеющего всем миром. Чем ближе Иман оказывался к столице Великого Улуса, тем чаще замечал в степных жителях это чувство необыкновенного достоинства. Они могли носить ветхую одежду, но с таким видом, словно на них парча и шёлк. Юноша сравнился с арбой и разглядел содержимое телеги, мальчишка вёз с

бахчи первые плоды летнего урожая – несколько арбузов и пузатых тыкв. Иман развернулся и пошёл рядом с арбой, подлаживаясь под неторопливую поступь круторогого вола, тащившего свою ношу.

– Эй, джигит, как тебя зовут?

– Моя любимая тётушка Марьяма-апа Алимджаном зовёт.

– Так ты с тётушкой живёшь?

– С ней, в самом конце слободы у вяза, который молнией разбило в прошлом году.

– А не продашь арбуз, Алимджан?

Возница почесал обритую голову кнутовищем плети, но вола не остановил:

– За покупками ступай на базар.

– Так нам не с руки, к реке идём.

Иман удивился несговорчивости мальчишки, неужто ему не хотелось подзаработать, или тяжело было удовлетворить незначительную просьбу? Но Алимджан оказался куда отзывчивей, чем он предполагал, пояснил не глядя:

– Зачем покупать? Если идёте к реке, по дороге возьмите сами арбуз на бахче, тут уже близко! – Он стегнул легонько задремавшего вола. – Только Корыч-аге не попадитесь! – добавил босоногий возница весело и звонко.

Алимджан не слукавил, вскоре под неустанный перестук молотов и молоточков они покинули Кузнечную слободу и оказались на степном просторе, не зажатом улицами, оградами и домами. Дышалось здесь по-особому, хотелось раскинуть руки и броситься бежать, подобно молодому жеребцу с изогнутой шеей и развевающейся по ветру гривой.

Он повернул озарённое беззаботной улыбкой лицо к девушке и едва не упал, споткнувшись. Она, наконец, скинула со своих плеч широкий серый чапан и осталась в шёлковом кулмэке* бирюзового цвета. Две чёрные косы, освобождённые из плена мохнатой шап-

* Кулмэк (тюрк.) – туникообразная рубашка.

ки, заструились по узкой девичьей спине, сплетаясь локонами на самой тончайшей в мире талии, тоньше юноше и видеть не приходилось. Он судорожно сглотнул, когда девушка протянула ему скрученные в узел одежды. В её руках осталось лишь простое домотканое покрывало, которым она и укрыла свою изящную головку. Теперь Иман разглядел и лицо, нет, он видел его раньше, в мальчишеском образе, но девичья оболочка придала его попутчице внезапное очарование. Чёрные, плывущие к вискам лукавые глаза обрели иной свет, а пухлый рот превратился в сочный благоуханный плод. Круглые щёки с высокими скулами выдавали в ней кровь кочевников, ту, что въелась в обитателей степных племён за сотни, тысячи лет, кровь сильных и выносливых людей, кровь победителей. Она и вела себя как победительница, госпожа над всеми, закинула широкий край тёмно-синего покрывала за плечо, поправила, чтобы упрятать дорогую материю рубахи от пытливых взглядов, и приказала:

– Будешь называть меня сестрой. Скажешь, что приехали в Сарай искать лучшей доли. Постоялые дворы не годятся, попросимся пожить к какой-нибудь одинокой старушке. Это ненадолго, – оборвала она его зарождавшееся возражение. – Пересидим бурю, поднятую Тенгиз-Бугой, купим мне коня, и я исчезну.

Иман только руками развёл. Эта девчонка, нежданно ворвавшаяся в мерную, отлаженную поступь жизни, рушила все планы и вовлекала его в нечто опасное, противозаконное. Что она такого сотворила, коли за ней отправился сам сиятельный мурза? Приближённые солтанов просто так на поиски безродных девчонок не бросаются! Из трясины сомнений его вновь вытянул решительный голосок девушки:

– Двинемся мы сегодня в путь или ты побежишь напрямиком к Тенгиз-Буге докладывать о моём местопребывании?

– Никуда я не побегу, – буркнул юноша, помрачнев от одной мысли, что она

увидела в нём доносчика. Вот уж кем он никогда не будет, и отец такого поведения не одобрил бы. Раз уж вмешался в это дело, надо идти до конца, но не с завязанными глазами. – Я пойду, но прежде хочу услышать, почему ты бегаешь от мурзы, чем провинилась?

– Провинилась? – фыркнула она. – Вот ещё! Пусть он свои грехи считает, не одну корзину наберёт!

Она покосилась на помрачневшего ещё больше юношу и вздохнула примиряюще:

– Так уж и быть, согласна. Расскажу, когда доберёмся до реки, и ты меня, наконец, накормишь.

– Накормлю? – Иман готов был вновь потрясти перед настырной девчонкой полупустым мешком, но вовремя вспомнился маленький возница. – Не знаю, смогу ли я насытить тебя арбузом, но мальчишка уверял, что мы можем взять его взаймы на бахче.

– Если твой братец, почитатель красот некой Лейли, догадается принести нам лепёшек, то мне этого вполне хватит.

– А я-то думал, что такие неземные создания питаются нектаром от цветов? – не удержавшись, поддел занозу Иман.

Она с ответом не задержалась:

– А я, глупая, не верила, что все поэты никчёмные, не приспособленные к жизни люди! Ни себя, ни доверившегося его заботам человека прокормить не могут.

Иман вспыхнул, поняв, что при недавнем обследовании его хурджина она заметила свитки со стихами. Обычно девушки, узнав об его увлечении, бросали на юношу заинтересованные взгляды, а те, кто посмелее, просили что-нибудь прочесть. От этой колючки приходилось выслушивать одни подковырки и попрёки, будто он горел желанием стать её провожатым. По счастью, грубое слово не сорвалось с языка, помогло родительское воспитание, привычка к сдержанности и продуманным речам. Иман молча направился к показавшимся у подножья холма насаж-

дениям, там, где располагались бахчи жителей ближайшей слободы.

Пока они много дней шли по степи, юноше почти не встречалась возделанная земля, но в окрестностях городов поля и бахчи были делом обыденным. Он видел долины с высокой, уже начинавшей золотиться пшеницей и участки низкорослого ячменя, оцетинившегося серо-зелёными иглами плотных колошев. А среди лубовно возделанных гряд весело журчали арыки, неустанно трудились, насыщая влагой гряды с щедрыми дарами степной земли. Сарай не стал исключением, стоило им покинуть Кузнечную слободу, застроенную добротными домами и вросшими в землю лачугами, как стали видны бахчи горожан, издали похожие на лоскутное одеяло. Местами бахчи были защищены оградами из длинных жердей, призванными не пускать к посадкам пасущихся животных, но люди такие преграды преодолевали с лёгкостью. Вот и Иман, как только попался на глаза клочок земли с полосато-зелёными плодами, поднырнул между жердинами и выбрал самый большой и зрелый с виду.

– Этого хватит, чтобы ты насытилась?

– С избытком.

Она предпочла не смотреть на него, постукивала прутиком по земле, не поднимая глаз, словно раздумывала, как вести себя дальше. Иману в думах избалованной девушки разбираться не хотелось, он спешил добраться до реки. Скоро их догонит Жамал, и они решат, как им быть дальше.

– Можно здесь остановиться, – прозвучал голос беглянки, – место неприметное, а тропа хорошо просматривается.

Оглядевшись, Иман согласился: место было удачным – около воды, а приземистое, раскидистое дерево дарило спасительную тень от поднимавшегося всё выше солнца. Река текла здесь величаво, неспешно огибала прибрежные заросли, стадами белых барашек набегала на песчаную отмель. Они, не отрываясь, смотрели на воду, ветер обду-

вал их разгорячённые быстрой ходьбой лица, развеивал выбившиеся из растрепавшихся девичьих волос тонкие пряди. Спутница Имана поймала его взгляд, облизнула пересохшие губы, нетерпеливо откинув назад тяжёлые косы:

– Давай сюда арбуз.

Он и оглянуться не успел, как девушка устроила его добычу на курчавящейся в песке поросли серебристой травы и достала кинжал с красивой витой рукоятью. Она принялась кромсать тугой плод, извлекая на свет розовые ломти со светло-коричневыми оспинками семечек. Первый кусок достался Иману, а в следующий девушка с жадностью впиалась сама. Сок потёк по её круглым щекам, подбородку, рукам, и она засмеялась, отряхиваясь:

– Вкусно. Но на одном арбузе мы долго не протянем. Может, твой брат принесёт лепёшек?

Иману хотелось уточнить, кем приходится ему Жамал, но рот был забит арбузной мякотью, и он только промычал в ответ что-то нечленораздельное. А тут и Жамал появился на дороге, погонщик спешил, загребая пыль растоптанными чувяками так, что она вилась за ним длинным серым плащом, раздуваемым вездесущим ветром. Иман поднялся с места, замахал руками, указывая, где они остановились. Погонщик заметил и, поднырнув под жердину ограды крайней бахчи, сократил свой путь.

– Эй! За тобой Корыч-ага, что ли, гонится? – встретил друга шуткой Иман, вспомнив предупреждение маленького возницы о страже бахчи. Им неведомый ага, к счастью, не встретился, так, может, Жамалу досталось за украденный ими арбуз.

Друг шутку не подхватил, запыхавшись, он упал рядом с Иманом и отёр рукавом пот со лба, скинув прежде быстрым движением войлочный тюбетей. На девушку, которая заметно переменилась с того раза, когда Жамал видел её в образе мальчишки, он взглянул, почесав затылок. Иману вспомнилось, что так его спутник проявлял изумле-

ние или недоумение. На языке погонщика явно вертелся десяток вопросов, не дававших ему покоя, но он не знал, с какой стороны зайти, чтобы получить ответ, не проявляя неуважение. Иман решил подтолкнуть товарища.

– Что тебе удалось узнать, Жамал? Мурза уже покинул караван-сарай?

– Как бы не так, – буркнул тот, – сидит себе в шалмане и раздаёт указания. Его слуги вскакивают в сёдла и мчатся кто куда. Как бы и до этих мест не доскакали.

Девушка насторожилась, но даже глазом не повела в сторону хозяина Лейли, продолжала наслаждаться арбузной мякотью, словно принесённая весть её вовсе не касалась. Иман покосился на красавицу и осторожно продолжил расспрос:

– С чего бы мурзе вздумалось так рьяно разыскивать какого-то мальчишку?

– Так он и не мальчишку ищет, а сбежавшую невесту.

Девушка поперхнулась и закашлялась, Иман вскочил на ноги. Она откашлялась с трудом, тяжело дыша, повернула к юношам покрасневшее лицо:

– Я его невестой никогда не была и не собираюсь становиться женой шакалу, который собирает отбросы по степи. Я из мангытского рода Янгир-бия, моего деда казнили по приказу недостойного господина, восседающего в сарайском дворце, лишь потому, что мы поклоняемся вечному Тенгри! Когда-то отец увёл наш род подальше от замыслов Узбек-хана. Много лет мы не видели своих пастбищ, наши кони не пили воду родных рек, но недавно отца заманили сладкими посулами, и он поддался на уговоры, пришёл в Сарай. Только хану вновь вздумалось принудить его поменять веру.

Голос девушки прервался, но она нашла в себе силы продолжить:

– Моего отца Кайчуры-бека больше нет на свете, теперь у нашего рода осталась только я – Айбика, потому и меня решили заковать в этих стенах.

– Но, госпожа, – нерешительно заговорил Жамал, – разве Тенгиз-Буга по-

ступает бесчестно? Он жениться хочет, обмолвился, что сам хан послал дворцового имама для заключения никаха.

– Что из того?! – фыркнула Айбика, живо напомнив Иману прежнего мальчишку-сорванца. – Он хочет жениться, но я не желаю брать его в мужья!

– По закону брак может быть заключён доверенными лицами, и вашего согласия, госпожа, не потребуется. Но это только в том случае, если брак одобрит кто-то старший из вашего рода или опекун, – нахмурившись, пояснил Иман.

О таких правилах он знал от отца, знатока не только Корана, но и шариата, только не ведал, относятся ли подобные законы к знатым особам. Ему было непросто оценить ситуацию со вновь открывшимися обстоятельствами дела, стоило ли продолжить помогать девушке, которой сочувствовал, или отойти в сторону, не становясь соучастником, довольствуясь уж тем, что не собирается доносить.

– У мурзы есть соратник, готовый поддержать все его грязные делишки, – с горечью пояснила бика. – Это мой дядя – младший брат отца, давно принявший веру, угодную вашему хану, трухлявая ветвь от могучего корня. Люди племени не признают в нём предводителя, но для сарайских вельмож теперь он – старший рода Янгир-бия. Мурза Манас – его имя, имя предателя. Через меня им хочется накинуть узду на непокорных скитальцев! А законы ваших имамов я не признаю, он может сотню раз прочесть свои молитвы, но перед лицом Тенгри я – свободная девушка.

Она презрительно сплюнула и с откровенным вызовом взглянула на обоих юношей:

– Если решили доставить меня к мурзе Тенгиз-Буге, то берегитесь, мой кинжал умеет не только арбузы разделять!

Жамал примиряюще вскинул ладони:

– У нас и в мыслях не было, госпожа. Только где вам теперь укрыться, если по всему Сарая рыщут ищейки?

Она свела воедино выгнутые луком брови:

– Достану коня и умчусь обратно в стойбище!

– Далеко ли до тех мест? – переспросил Иман.

– Шесть дней пути для хорошего скакуна.

Иман присвистнул:

– Где бы взять такого скакуна, да на что купить?

Айбика нахмурилась ещё больше, но, помедлив, полезла за пазуху и вынула звенящие серебряными монетками чулпы.

– Этого хватит?

Погонщик со знающим видом взвесил украшение в ладони:

– Может и хватит, госпожа, только на одного хорошего коня. А разве вы не возьмёте в попутчики Имана? И вдвоём в степи спокойно, а уж одинокий всадник вызовет тысячу подозрений, и для нечестных душой легко станет добычей.

Иман удивлённо распахнул глаза. Рассуждения Жамала выглядели здоровыми, но юноша не держал в мыслях дальнейших путешествий по степи, и вот теперь всё складывалось так, что судьба вновь вводила его с дороги знаний. Но юноша поймал себя на мысли, что уже собрался ввязаться в эту историю, несмотря ни на что, ведь стыдно было отступать и бросать бика в беде.

– А пока не мешает подкрепиться! – весело проговорил Жамал.

Погонщик, не теряя времени, выложил припасы из своего хурджина – несколько лепёшек и катламу с сыром.

– Хорошо хоть, пока мы прогуливались за оградой, нашими лепёшками не насытился какой-нибудь проныра, – словно извиняясь перед госпожой, пояснил Жамал. – Для нас с Иманом и лепёшек хватит, а вам, бика, катлама. Прислужник в шалмане уверял, что она мягкая перины.

– Я – не старуха, смогу прожевать и чёрствую лепёшку, – проворчала Айбика, но, отдавая кусочек сочной и аппетитной катламы, оттаяла. – Благодарю тебя, погонщик.

Несколько минут они молча насыщались принесённой Жамалом едой,

погружаясь каждый в собственные мысли. Девушка украдкой разглядывала своих сотрапезников. С виду оба выглядели хлипкими и ненадёжными, а Иман, пожалуй, и лука со стрелами никогда в руках не держал. Жамал казался шустрой, в долгих скитаниях с караваном он многому научился, и от башибузуков, должно быть, оборонялся не раз. В помощь надо нанимать обоих, тут и сомневаться не стоило, только вот чем прельстить погонщика и его учёного братца. Об учёности Имана бика судила по повадкам и содержимому хурджина юноши – толстая книга, свитки и принадлежности для письма выдавали в нём стремление к познаниям.

Лепёшки закончились быстро, на примятом речном песке остались корки слегка недозрелого арбуза, чьей розовой мякотью утопили жажду вместо привычного кумыса или айрана. Айбика ополоснула руки в реке, захватила ладонью немного мутной у берега воды, понаблюдала, как она течёт меж тонких пальцев. Обернувшись, поймала взгляд наблюдавшего за ней Имана. Юноша смутился, отвёл глаза в сторону и заговорил, обращаясь к Жамалу:

– Где мы проведём эту ночь? Не дело, чтобы бика спала здесь, на песке.

– Вот ещё! – фыркнула, вмешавшись, Айбика. – Я к перинам непривычна, мои родичи – ковчешники, а для нас вся степь – постель!

Она с независимым видом откинула назад тугие чёрные косы, обтёрла о подол длинной рубахи кинжал, которым нарезала арбуз, и спрятала его за широкий пояс.

– Одно плохо, – выказала девушка свои сомнения, – Тенгиз-Буга, обшарив все караван-сарай, примется за окрестности. Если бы у меня уже был конь, я бы и мгновения не выжидала, только бы вы меня видели. Но, чтобы купить коня, надо вернуться в город.

Жамал вдруг поднял голову, просяя улыбкой:

– Можно совершить покупку в селении! Их тут, в окрестностях, несколько и переночевать позволят, ведь не принято путникам отказывать.

Погонщик радовался своей придумке, но Иман его не поддержал:

– Как думаешь, где быстрее поймать рыбку, в маленьком пруду или в море?

– В пруду, пожалуй, и руками выловишь, – почесал затылок Жамал.

– Вот так и с нами, – объяснил Иман. – Мурза своих людей мог давно по ближайшим аилам разослать, приказать следить там за чужаками. Только появившись, как в сеть рыбакам и попадёмся.

– А ты неглуп, поэт, – задумчиво протянула Айбика. – Тенгиз-Буга так и сделает, если уже не сделал, ведь он меня с вечера ищет. Видимо, путь у нас один – в Сарай.

– В Сарай, – подтвердил Иман. – Можно далеко не ходить, устроимся на постой в Кузнечной слободе, оглядимся. И знакомец здесь имеется, Алимджаном зовут, а тётушку его – Марьямапа. Глядишь, не откажут припозднившимся путникам в ночлеге. А я, дай Аллах, смогу выручить деньги за чулпы и Коран, куплю коней. Пройдёт несколько дней, и ваши преследователи, бика, оставят поиски, тогда отправимся в путь.

Говорил он уверенно, будто только тем и занимался в своей недолгой жизни, что устраивал побегі чужим невестам. Вот уж поистине, куда только не заведёт случайная встреча! Вот не отправился бы Иман в прошлую ночь на поиски удобного ночлега, стоял бы сейчас у стен благословенного медресе в надежде на скорое исполнение мечты. А теперь берегись, как бы вместо белой чалмы ученика медресе неразумную голову не посетил топор палача. Когда обвинят во всех грехах и предадут смерти, как оправдаться перед Всевышним? Ох уж эти сомнения, никакого сладу с ними нет. И как отказаться помочь своевольной бике? Иман будто слышал её колкие, злые насмешки: «Иди-иди! Спеши доложить всему миру, где я прячусь! Если у волка сердце зайца, тогда его и собаки в свою стаю не примут!»

Иман покосился на Жамала, а тот лишь только не хихикал, наблюдая за

душевными метаниями товарища. Когда вдвоём отошли к реке, чтобы умыться, подтолкнул Имана под локоть:

– А ты, брат, переполнен неуверенностью, как котёл с кипящей шурпой! Хочешь угодить красавице и в переплёт не попасть? Но тут уж, как водится, друг Иман, остаться праведником и героем в одном лице не удастся. Ступай по пути, который сердце давно выбрало, и не сворачивай.

Имана раздосадовала пронизательность погонщика, а ведь Айбика его колебания тоже могла заметить, тут хоть со стыда сгори. Нет! Никому он больше не покажет нерешительности и робости, и Жамала убедит в твёрдости намерений. Иман выпрямился, расправил плечи, глядя на мирно бегущую реку, произнёс спокойно:

– Я всё для себя решил, Жамал. Если Всевышний в час испытания привёл дочь бека ко мне, значит, Аллаху это угодно. На этом пути Он сам подскажет, куда мне идти и как поступать, а если испытание должно закончиться гибелью, я готов к такому концу.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – суеверно сплюнул погонщик, – пусть шайтан не услышит твои слова, Иман, он только и ждёт за спиной, когда правоверный поддастся подстраиваемым козням, стережёт твои неосторожные мысли. Вот подумаешь о смерти, а он тут как тут, подкрадётся и накинет удавку на шею! Я об этом деле по-разному думал: степная бика не наша госпожа, и мы не обязаны свои головы подставлять, но я-то вижу, как она тебе на душу легла.

– Вот ещё! – скривился Иман. Всем своим видом он стремился отвергнуть предположения погонщика. Да ему и в голову не могло бы прийти такое! Как можно посметь увлечься девушкой из знатного рода? Разве может ужиться глиняная плошка с золотым подносом? – Вечно ты придумываешь то, чего не бывает!

– Тогда почему позабыл о медресе, о своих стихах, обо всём, к чему стремился?

– Не понимаешь? Так ведь госпожа

осталась без отца, без поддержки сородичей, грех отказывать в помощи, когда об этом просит беззащитная девушка.

– Она не просит, а приказывает! – хохотнул Жамал. – Существуют ли те препятствия, о каких она рассказала? Как ты считаешь, не придумала ли их она из одного лишь нежелания становиться женой мурзы.

– А у меня нет причин не верить бике. Если с ней поступили так, как она поведала, тогда помочь ей вернуться домой – благое дело. Пусть старшие в роду решают, как госпоже дальше жить, я лишь помогу добраться до кочевого стана.

Иман обернулся взглянуть, почему притихла их подопечная. Как оказалось, Айбика времени даром не потеряла, пока они потихоньку перепирались меж собой, подложила под голову узел с одеждой и заснула. Спала так безмятежно, будто не скрывалась от недоброжелателей и не доверилась мало знакомым юношам, а на пути бедствий уже отыскала тропу спасения.

– И как мы поможем ей? – тихонько поинтересовался Жамал. Смуглое лицо погонщика казалось безмятежным и ничего не выражало, но за заданным вопросом Иман уловил главное: друг не собирался бросать его. От радости он пропустил мимо ушей намёк на близость с госпожой, уж такой у него товарищ, если не подтрунит, Жамалом зваться не будет. Иман не сдержал порыва, обнял друга.

– Благодарю, Жамал! С тобой у нас всё получится! На поиски жилья отправимся, как стемнеет. Скажемся путниками, для которых не нашлось места в караван-сараях, попросимся на постой.

– За постой платить нужно, а ваши кошель пусты! – промолвила она.

– Так вы не спите, госпожа? – обернулся Иман к девушке.

– Вот ещё! И не думала! – усмехнулась бика в ответ. – Отправляйтесь-ка на Ак-Базар у главной мечети. Там, в самом конце ряда менял сидит старый иудей. Зовут его Ибрагим. Он не ста-

нет задавать лишних вопросов и купит всё, что ни предложите. В одном беда – цена уменьшится вдвое.

– И вам, бика, не жаль своих украшений? – пылливо поинтересовался Иман.

Он уже решил придержать чулпы госпожи и обойтись продажей Корана, который, по словам отца, стоил больших денег. А эти серебряные серьги, скорей всего, достались княжне от матери и были памятным даром. Но Айбика отменила его благородные намерения презрительным замечанием:

– Чем мне могут быть дороги блестящие безделушки? Это не конь и даже не кинжал! К тому же чулпы преподнёс дядя, которого и родичем отныне звать не желаю. Бросила бы их в канаву, если б не нуждалась в средствах. Продайте, не задумываясь!

Иман переглянулся с Жамалом, но погонщик уже поднялся на ноги, подтянув пояс:

– Надо идти сейчас. Пока доберёмся до нужного нам торжища, день подойдёт к концу. Сарай – не твой родной городишка, брат, его за час не оббежишь, – и обратился уже к княжне: – Не опасаетесь, госпожа, остаться в одиночестве?

Айбика дёрнула плечиком и отправилась к плоскому валуну, где и устроилась со всеми удобствами, кидая камушки в воду. Юношам не оставалось ничего другого, как отправиться выполнять поручение своенравной повелительницы.

– Как же, напугаешь такую! – проворчал Жамал, когда они выбрались на тропу, ведущую в Кузнечную слободу. – Госпожа ничем не уступает мурзе! А кто-то называл бикю беззащитной девушкой, вот сейчас, брат, ты так не считаешь?

– Она просто бесстрашная, – улыбнулся на возмущение погонщика Иман, – как не восхититься такой девушкой? Она напоминает мне девушек-воительниц, читал о таких племенах, где проживали одни женщины. Им не было равных в стрельбе из лука, совершен-

ствуясь в этом искусстве, они даже вырезали себе грудь, чтобы она не мешала натягивать тетиву.

Жамал присвистнул:

– Я таких не встречал, а ведь столько земель прошёл, видел людей с жёлтой и с чёрной кожей, и тех, кто носит одежды из шкур. А женщины-воины на пути не попадались.

Они миновали ремесленные окраины Сарая. Первая же улица оказалась настолько широка, что на ней могли свободно разъехаться четыре арбы, да ещё и отряд охраны проехать. По обеим сторонам улицы раскинулись богатые каменные усадьбы, дворцы ханской знати, утопавшие в зелени садов, дома соседствовали с обширными площадями, окаймлёнными арыками, прудами и склонившимися над водной гладью сребролистными ивами. На площадях высились белокаменные с сине-голубыми узорами мечети; украшенные мозаикой бани; плескались фонтаны, дарящие горожанам прохладу.

Здание медресе Иман угадал сердцем, ещё до того, как распахнулись резные деревянные створы высокой калитки и на площадь вышли шакирды. Он задрал голову, разглядывая пузатый купол с плоской площадкой на самом верху. Учась в стареньком медресе в своём городке, Иман делил собственные предпочтения между искусством слова и точными науками, но любовь к поэзии пересилила всё. Он и сейчас непроизвольно прижал к груди хурджин с заветными свитками стихов и шагнул к калитке сарайского медресе навстречу давней мечте, но был остановлен насмешливым присвистом Жамала:

– Эй, друг, ты никак уже в мюриды подался? А о своих клятвах госпоже позабыл?

Иман отступил, пряча глаза:

– Ничего и не подался, просто хотел купол рассмотреть. – В подтверждение своих слов он указал вверх. – Оттуда лучше всего измерения производить. Можно движение звёзд рассчитать, узнать, в какой стороне находится священная Мекка. – Иман взглянул на

солнце. – Надо торопиться. Далеко ещё до Ак-Базара?

– С помощью Аллаха скоро дойдём.

Сразу за одной из площадей, где раскинулся небольшой ряд с двумя десятками лавок, лежал мост Слепцов. За ним столичных жителей на улице заметно прибавилось, а вскоре юношам уже пришлось протискиваться сквозь толпу.

– Главная мечеть! – Жамалу пришлось повысить голос, преодолевая неумолчный гомон, царивший здесь. – Должно быть, какое-то торжество сегодня, вот люди и собрались на площади.

– А где же Ак-Базар?

– На том конце! – махнул рукой погонщик. – Не отставай от меня, а то заплутаешь.

Иман проскальзывал между теснившимися людьми вслед за товарищем, а когда не удавалось, пропихивался, работая локтями. Но как ни старался, всё равно потерял из виду потёртую тубетейку погонщика верблюдов.

– Жамал! – крикнул он в толпу и подпрыгнул, чтобы осмотреться, но люди вдруг двинулись вперёд в едином порыве, завопили что-то радостное, приветствуя и славя кого-то, и Имана потянуло человеческим водоворотом туда, куда стремились все.

Он увидел распахивающиеся высокие створы ворот мечети, воинов, цепью сдерживающих толпу, и важных вельмож, степенно выходивших из мечети, а впереди всех молодого мужчину в одеждах из блистающей зелёной парчи. Иман глаз не мог оторвать от лица мужчины, хоть и привлекательного, но отмеченного печатью тревоги. Он в эти минуты вовсе не думал о черни, заполонившей площадь, потаённые думы морщили его смуглый лоб, ломали линии густых бровей. Простой люд озабоченность господина как будто не замечал, и имя его вознеслось высоко над площадью в вопле тысяч глоток:

– Вечно живи, Джанибек-солтан! Слава тебе, сын великого хана Узбека!

Иман порывами толпы не увлекал-

ся, отвёл взор от процессии, как только удалось повернуться, чтобы поискать затерявшегося друга. Взгляд его нетерпеливо нырнул меж спинами и плечами, обтянутыми домоткаными чапанами и суконными кафтанами, вглядывался в незнакомые лица, пока не зацепился за человека в кожаном шлеме. Невысокий, коренастый, с шрамом, стягивающим щёку, мужчина не прилёг бы внимания, не заметь Иман быстрого, едва уловимого движения, каким тот сноровисто скрыл в рукаве кинжал. Утаённое жало оружия и напряжённая поза злоумышленника не оставляли времени для раздумья, ханский сын приближался, и Иман рванулся к деревянному столбу, за которым так удачно укрывался преступник. Он расталкивал толпившихся людей, отчаянно рвался вперёд, преодолевая сопротивление восторженных жителей, стремившихся оказаться ближе к царевичу. Как в замедленном сне, Иман видел готовившуюся убить руку, каждое её движение со смертоносным кинжалом. Иман закричал, страшно, предупреждая, и прыгнул поверх тел, голов, пытаясь дотянуться до злоумышленника. Тот отвёл глаза от намечаемой жертвы всего на малейшее мгновение, но этого хватило, чтобы телохранитель, шедший в шаге от солтана, мгновенно заслонил господина. Кинжал вонзился в плечо стража, не достигнув желанной цели, а на злодея тут же навалились, скрутили, вмяли в камень площади. Имана, который упал в своём безумном прыжке, подняли. Юноша не успел прийти в себя, как оказался перед Джанибеком.

Иман поднял глаза, и растерялся, рядом с господином стоял Тенгиз-Буга, юноша сразу узнал незадачливого мурзу, упустившего свою невесту. Нелепая мысль вспыхнула в голове, не проведаль ли Тенгиз-Буга, кто помог бежать дочери Кайчуры-бека, но тут же отмёл её. Мурзу интересовал не он, а схваченный преступник, он спешил выслужиться перед своим господином-солтаном, нашёптывал ему что-то на ухо, указывая то и дело на удержива-

емого двумя могучими телохранителями несостоявшегося убийцу. Джанибек не сводил взгляда с опущенной головы того, кто покусился на его жизнь.

– Кто тебя послал? Кто повелел убить меня?

– Надо мной нет повелителя, надо мной стоит лишь Тенгри! – последовал ответ.

– Забытый Аллахом! Не станешь же уверять, что послан самим Тенгри?! – закричал Тенгиз-Буга. – Назови своё имя и того, кто прячется за твоей спиной!

На удивление взволнованной толпе покуситель на жизнь солтана держал себя с невиданным достоинством.

– Я – Уктай – Одинокый Охотник и признаю одно братство – «небесных людей». Я приговорил весь ханский род к смерти. И ваш Аглах – не мой бог!

– Не богохульствуй, ничтожный! – взревел мурза, явно стремясь выслужиться. – Кто ты такой, чтобы угрожать ханскому роду?

Он ощерился, вглядываясь в смуглое широкое лицо, перечёркнутое багровым шрамом, от чего один глаз, и без того узкий, казался вовсе прищуренным. Но даже этот, почти закрытый глаз излучал нескрываемую ненависть, и её не погасил удар нагайки мурзы. Рядом со шрамом вздулся и мгновенно налился кровью ещё один рубец – след от сплетённых кож плётки, но Уктай не отшатнулся, не спрятался от следующего удара, он готовился принять любую боль. Неожиданно Иману стало жаль злоумышленника, приговорившего самого себя к мукам и смерти. Чёрное дело, задуманное им, провалилось, но, даже совершив убийство, воин не ушёл бы от расплаты. Иман помешал преступлению, поспособствовал взятию Уктая под стражу, но, сколько не ищи, не отыскать его вины в карме несчастного. Только почему же ему, совершившему благое деяние, было так неудобно в кругу тех, кто собирался воздать должное преступнику за покушение на ханского сына. Совесть юноши стонала, будто это по нему проходила камча мурзы,

и как же хотелось быстрее покинуть площадь и навсегда забыть о совершённом поступке. Иман сделал шаг назад, намереваясь незаметно раствориться в толпе, но высокий, надменного вида вельможа в синем чапане с мечом в дорогах ножнах подтолкнул поэта вперёд.

– Вот, господин, смельчак, что предотвратил беду, заметил нечестивца раньше тех, кому глаз не положено сводить с толпы, замечать опасность в её зародыше.

В мгновение ока, позабыв о преступнике, Тенгиз-Буга подскочил к Иману, теперь он сверлил его налившимися кровью бычьими глазами.

– Смельчак, говоришь, Сагиб-багатур?! И как он мог заметить убийцу раньше моих людей, призванных отвечать за безопасность нашего господина? Не подозрительно ли это, не связан ли он с этим негодяем? Возможно, здесь целый заговор!

– Хо! – презрительно выдохнул Сагиб-багатур. – Послушайте только, сиятельный солтан, отважному мурзе, которому вы доверили свою жизнь, видятся заговоры там, где они отродясь не водились! Взгляните на этого юношу, он безвинен как ягнёнок, все его грехи можно перечислить, не прибегая к расспросам, а его уже в бунтовщики записали, лишь бы оправдать своё бездействие.

Кровь ударила в лицо Тенгиз-Буги, но он не успел отбить очередную атаку своего недоброжелателя, их остановил сам Джанибек.

– В этом юноше, и в самом деле, трудно заподозрить заговорщика, но ведь мы ничего не знаем о нём. Кто он? Как появился на пути убийцы? И так ли он безвинен?

Иман похолодел, глаза ханского сына, казалось, проникли внутрь, выворачивали его наизнанку. Что, если Джанибек заподозрил его в сокрытии некоей тайны, возьмёт и прикажет сознаться, поклявшись на Коране. Сумеет ли он быть мужественным? Юный поэт прикрыл веки, мысленно готовясь

к любым испытаниям, пока не услышал чей-то возглас:

– Господин, мы нашли хурджин! Должно быть, принадлежит юноше.

Своё имущество Иман выронил, когда стремился предотвратить покушение, теперь потёртый мешок болтался в протянутой руке одного из стражей. Джанибек взглянул на перемётную суму и вновь на её хозяина:

– Это твоё?

– Моё, господин.

Солтан подал знак и тут же подскочил услужливый Тенгиз-Буга, но содержимое дорожного мешка разочаровало мурзу. Он поморщился, разглядывая Коран и бумажные свитки, но всё же поднял один из них в надежде отыскать свидетельство измены в затейливо написанных строках.

– Это стихи, мой солтан, – нехотя выдавил мурза.

– Так ты поэт? – улыбнулся Джанибек, вновь обратившись к Иману, не улыбались лишь его глаза – суженные, испытующие. – В нашей столице всегда рады людям учёным и обладающим талантом, самые лучшие из них служат великому хану – моему отцу. И в моей свите есть несколько поэтов. Кто знает, глядишь, и ты окажешься среди них.

– Видимо, талант этих достойных людей превосходен, а я не осмелюсь состязаться с ними в умении передавать музыку слов и мыслей.

У ханского сына хищно дёрнулись ноздри, он видел перед собой юношу хоть и небогатого, но полного достоинств, и в чертах его находил больше благородства, чем у некоторых знатных спутников своих. Но внешнее и внутреннее превосходство того, кто претендовал на роль его спасителя, разжигало в царевиче костёр противоречий. Джанибек не выносил чужого превосходства, а ведь склонил юноша голову, произнеси привычные льстивые речи, и он приблизил бы храбреца, а то и возвысил бы. Но этот неучтивец не собирался обличать свою речь в цветистые одежды, где наряду с прямым ответом не забывают набросить почтительные

покровы восхвалений ему, наследнику великого хана, вместо того добавил просто, без прикрас:

– Я всего лишь путник, прибывший недавно в ваш благословенный город. Тешу себя надеждой стать шакирдом в одном из медресе Сарая, дабы приобрести к высоким искусствам.

Джанибек сумел скрыть разочарование, не всем дано владеть медовым языком, а этот простолюдин напрасно желает зваться поэтом, что это за стихоплёт, если не в силах выдать себя необходимые слова? К месту пришёлся назидательный тон царевича:

– Что ж, похвально, юноша. Учение всем идёт впрок, если учиться желает не бестолковый баран.

Царедворцы, стоявшие почтительным полукругом за солтаном, одобрительно хихикнули, почувствовали скрытую неприязнь своего господина к глупцу, не разглядевшему своего счастья. Им появление нового любимца в свите Джанибека было ни к чему, пусть идёт своей дорогой, мимо кормушки, полной благ. А Иману и в голову не пришло замечать такие мелочи, какие прежде острым умом наблюдателя за человеческими слабостями и пороками он уловил бы сразу. Уловил и мгновенно сложил бы пару строф на этот случай. Но сейчас он мечтал выйти без вреда из положения, в которое попал, в такой ситуации думалось не о наградах, остаться бы на свободе, избежав допросов и пыточных палачей.

Вот Тенгиз-Буге, нетерпеливо вертевшему в руке нагайку, явно хотелось добиться для него подобной участи, будто мурза подсознательно угадывал о роли незнакомца в его собственных бедах. Он примечал, что солтану не пришёлся по душе гордый писака, но рядом с ними, сдерживаемая стражами, бушевала толпа, горожане радостно восхваляли спасителя царевича. Джанибек едва бы пожелал прослыть несправедливым теперь, когда постаревший повелитель не расставался с болезнями, и он, его сын, мысленно примерял венец владычества над Ве-

ликой Ордой. Любовь и поддержка простолюдинов в таком деле далеко не лишние, учитывая, что пока не Джанибека считают преемником Узбек-хана. Чаша предусмотрительности на весах благоразумия перевесила первоначальные намерения, и солтан благосклонно кивнул:

– Так как тебя зовут, отважный батыр, и откуда ты прибыл в Сарай?

– Я – Иман, сын благочестивого чтеца Корана Хусаина-хаджи. Путь мой лежал из Камышлы с берегов Камышовой реки, что впадает в Сок, а он в великий Итиль.

«Опять этот независимый вид!» – с досадой подумалось Джанибеку, но он продолжал сохранять снисходительный вид.

– Ты предотвратил злодеяние, Иман, и будешь награждён, ибо каждое благое дело не должно остаться без благодарности. Тенгиз-Буга! – Солтан оглянулся на нахохлившегося мурзу. – Этот юноша сделал то, что должны были сделать твои подчинённые, заплати ему со всей щедростью, на какую способен.

Смех, послышавшийся в толпе, ударил Тенгиз-Бугу хлеще плети, жители Сарая его невзлюбили, только прежде он и внимания не обращал на предпочтения горожан, но в этот момент почувствовал себя оскорблённым. Мурза приказал бы воинам разогнать дерзких простолюдинов, но его унижению способствовал сам господин, лишь потому пришлось смириться и достать из-за пояса кошель.

– Пусть эта награда пойдёт на доброе дело, поэт, – с нарочитым благодушием произнёс Тенгиз-Буга в добавление к дару.

Миролюбивый тон не обманул Имана, обретение врага в лице мурзы стало неизбежным, но стоило ли сожалеть, ведь его невидимым противником он стал с момента побега Айбики с постоянного двора, и рано или поздно они должны столкнуться лицом к лицу.

Но пока Иман в почтительном жесте скрестил ладони на груди:

– Пусть будет доволен вами Аллах.

Поклон предназначался солтану Джанибеку, хотя мурза и стоял рядом, Иман попятился, и в этот раз ему удалось беспрепятственно исчезнуть в толпе. На него уже не смотрели, потому что вдруг заговорил преступник, о котором на какое-то время все позабыли. Иман, спешивший скорей покинуть площадь, ещё слышал проклятия, которые извергал Уктай. Его уводили с площади, но он выворачивался из цепких рук стражей и сыпал на голову молодого царевича все кары небесные. Юноша встал как вкопанный, когда услышал очередные проклятия Одинокого Охотника:

– Пусть никогда не увидят светлых дней те, кто заманил самого достойнейшего из предводителей – бека Кайчуру в ловушку! Моя стрела не успела поразить вашего солтана, но ещё найдутся стрелы в колчанах моих отважных братьев!

«Кайчура! Так Уктай – это человек отца Айбики!» – молнией пронеслось в голове Имана, и вмиг всё перепуталось! Так, где же злодеяние, а где справедливая месть, благое ли дело совершил он сам или вступил на скользкий путь, где чёрное путают с белым? Он с трудом заставил себя пойти дальше, пытаясь справиться с тугим комом, застрявшим в горле, и вскоре столкнулся с погонщиком.

– Иман! Вот ты где? А я полбазара обегал, в поисках только что под хвосты ослам не заглядывал! – Жамал осёкся и переменял шуточный тон, едва увидел почти белое лицо друга: – Что случилось, Иман? Ты будто шайтана на дороге встретил.

– Можно и так сказать, брат, – едва промолвил юноша. Он с трудом справлялся с нахлынувшими слезами. – Лучше бы мне не отставать от тебя, Жамал. Пойдём исполним поручение господи Айбики, хоть в этом не подведём её.

Погонщик пожал плечами. Странные эти поэты, каждое слово – загадка, поди пойми, что в голове у такого кроет-

ся. Но в одном Иман прав, если они не поторопятся, тогда и следа ростовщика не сыщут, базар уже идёт к концу, затихает, подобно засыпающему на ходу коню. Закроет иудей Ибрагим свою лавчонку, и останутся они даже без медяка в кармане. Последние размышления Жамал, видимо, произнёс вслух, потому что Иман вдруг резко остановился и вынул из-за пазухи мешочек, набитый монетами:

– А деньги у нас есть.

Удивлению погонщика не было предела, он смотрел на кошель, как на камень, внезапно обернувшийся хлебом.

– Уж не пошарил ли ты, мой брат, за поясами добропорядочных сарайцев?

Иман нахмурился.

– Деньги другим способом добыты. – Произнести, что честным путём, язык не поворачивался, потому выдавил с трудом: – Не воровским.

– Сколько же здесь?

– Сам посчитай. – Кошель перешёл в руки довольного таким поворотом дела Жамала. – И посмотри, хватит ли на коней для нас троих?

Внезапная мысль, что серебро Тенгиз-Буги пойдёт на устройство побега его невесты, заставила Имана улыбнуться, и он, заметно повеселев, поднял понурую прежде голову. Не самому ли Всевышнему угоден этот побег, разве не Он, Всемогущий, устраивает всё по своему усмотрению, закручивает узлы, как никому не завязать? Иман добавил уже бодрей, с уверенностью в будущем:

– И чулпы продадим, раз госпоже так угодно. В нашем деле лишним ничего не будет, кто знает, сколько отсидеться придётся, пока мурза остынет и решит, что окончательно потерял след дочери бека.

К месту, где укрывалась Айбика, они возвращались на предзакатной зорьке. Солнце большим багровым диском, зависнув над краем степи, освещало их путь. Пояса приятно тяжелили кошель, тот, что побольше, – от мурзы Тенгиз-Буги; поменьше – вырученный от про-

дажи украшений бики. Княжна сама заметила их издалека и вышла на едва видную тропку навстречу. Убегающее солнце, река, поблёскивающая в последних лучах, и силуэт девушки на красном золоте небосклона внезапно пробудили в памяти Имана строфу, и он прочёл её, обращая свой лик кходящему светилу:

**Вот снова день исчез, как ветра
лёгкий стон,
Из нашей жизни, друг, навеки выпал он.
Но я, откуда жив, тревожиться не стану
О дне, что отошёл, и дне, что не рождён.**

– Осмелишься приписать себе строки самого Омара Хайяма?! – задорно выкрикнула Айбика.

Она была рада их возвращению, ведь где-то внутри таилось опасение, что случайные спутники поймут, в какое опасное дело ввязались, да и покинут её подальше от беды. Она грустила, сидя на берегу, раздумывала, как поступить, если останется одна, а они появились, вернулись, будто и не знали, куда приведёт их эта дорога.

– Надо же, – тихонько проворчал Жамал, – твой «сторож», оказывается, и в поэзии разбирается. А я опять попался, подумал, что уж в этот раз ты своё читал.

– А ты, брат, считаешь обыденным рождение стиха по любому поводу?

Погонщик подтолкнул Имана локтем:

– А разве ты не видел таких писак, целый ряд которых сидит на своих циновках у Старого арыка? О! Эти чудодеи выдадут тебе стих на любой случай, извергнут его из своего рта почти мгновенно, стоит лишь погременуть монетами в кошеле.

– Разве же это стихи, а они – поэты?

Иман внезапно погрузился, подумал, не сравнят ли его непревзойдённые мастера слова в том медресе, куда он так стремится, с подобными стихоплётами? Не бросят ли и ему пропылённую циновку, дабы занимался сочинениями на продажу у Старого арыка?

Юноша почти не слышал распро-

сов Айбики и ответов Жамала, его больше не трогала красота заката, Иман погрузился в печаль, столь свойственную его натуре, и очнулся лишь, когда девушка дотронулась до его плеча:

– И где же мы сегодня голову преклоним? Если знаешь, тогда поторопимся, пока совсем не стемнело.

Иман встряхнулся, огляделся, как после долгого сна:

– Я подумал про того мальчишку-возницу, которого встретили по пути сюда. Алимджан его зовут, и живёт он с тётушкой в конце слободы около вяза, разбитого молнией. Мальчишка ведь не успел о нас позабыть, а почтенную хозяйку мы разжалобим парой монет.

Кузнечная слобода оказалась обширной и длинной, лачугу, рядом с которой корячился расщеплённый ствол дерева, отыскивали, когда тьма опустилась на город. Жамал, недолго думая, перемахнул через невысокую ограду.

– Напомни, как зовут почтенную тётушку? – переспросил он у друга, на ощупь отыскивающего калитку.

– Тихе, – зашипел Иман, – перебудешь всех.

– Вот чудной, а как ты на ночлег собрался проситься?

– Кто же знал, что мы так припозднимся, а старушка, наверно, давно уж спит.

Они притихли, даже присели, услышав скрип двери, а высокий девичий голос спросил:

– Кто здесь?

Иман отозвался, стараясь говорить как можно уверенней:

– Пусть Аллах не обойдёт милостями ваш дом. Здесь живёт тётушка Марьям?

В руках у девушки появился фонарь, и она осветила им всех троих.

– Это кто же ко мне в племянники записался?

Жамал хохотнул первым, за ним засмеялась и хозяйка дома, прыснула в рукав Айбика, лишь один Иман от неловкости не знал, куда деть глаза. Непонятным образом почтенная тётушка

маленького Алимджана превратилась вдруг в милую девушку, едва ли старше княжны.

Зайти в дом она их всё же пригласила, и они вошли, пригнувшись, в тесную, вросшую в землю лачугу. Алимджан спал на низенькой лежанке, укрывшись ветхим суконным чапаном. У противоположной стены стоял дощатый топчан, служивший обитателям как местом для приёма пищи, так и постелью для хозяйки. Она разглядывала их испытующе, покручивая конец длинной косы, ждала, и Иман угадал её желание, заговорил первым:

– Нам негде переночевать, караван-сарай переполнен. Мы Алимджана утром встретили, он нам на дом ваш указал, вот и подумали...

Юноша смешался, поймав недоумённый взгляд Марьям, он понимал, что не выглядит убедительным. Странным казалось желание трёх путников просить приюта в крошечной лачуге, где и хозяевам-то было тесновато. Но куда же им идти ночью? Последняя мысль подсказала нужные слова:

– До темноты искали, где устроиться, а тут про Алимджана вспомнили, у нас ведь во всём Сарае никого нет. Я с Жамалом могу и на улице поспать, у вас там клеть во дворе. Укрытие над головой – больше нам и не нужно, а вот нашей спутнице... сестре Айше не пристало на голой земле спать.

Он разглядел сочувствие, мелькнувшее в глазах девушки, и добавил уже уверенней:

– За постой заплатим.

Марьям пожала плечами и, подумав, распахнула кожаный сундук.

– Там попона, доставай, Айша, она большая и тёплая. Ляжешь с этого края, а я с другого. Ну, а вы, джигиты, – Марьям насмешливо покосилась в сторону Жамала, – сами устроитесь или ложе помягче приготовить?

– Сами, – буркнул Иман и толкнул друга локтем. – Идём, брат.

Погонщик, с открытым ртом глядевший на хозяйку лачуги, очнулся, смущённо поправил головной убор,

а затем и вовсе стянул его, смяв в руках:

– Да, пойдём, брат. Пусть девушки отдыхают, а мы их во дворе будем охранять.

Марьям и глазом не повела им вслед, но прежде чем за ними закрылась скрипучая дверца, смилостивилась над юношами:

– Идите к конюшне. В арбе есть сено, и укрыться чем найдётся. На улице пока тепло, но к утру можете промёрзнуть до костей.

Они не успели произнести обычные слова благодарности, дверь захлопнулась, оставив их в сумеречной темноте, где луна, прячущаяся за скользкими по ночному небу облаками, скупо освещала небольшой квадрат двора.

– Она не очень-то любезна для хозяйки, которой пообещали плату за ночлег, – проворчал Жамал, оглядываясь в поисках стойла для лошади, – могла бы проводить нас до конюшни.

– Ты не прав, брат Жамал, для красивой девушки, которую двое джигитов назвали почтенной тётушкой, она более чем любезна!

Рядом с конюшной они отыскивали арбу. Устроились в ней под звёздным небом, и сон, сошедший к Иману, напомнил ему видения из детства, когда, наслушавшись сказок, он воочию представлял чудищ, которых так завораживающе описывала мать. Она слыла мастерицей рассказывать волшебные истории о коварных жалмавыз, летающих конях, пери, которые не смыкали прекрасных глаз в думах о любимом, и о дивах. Один из таких дивов явился ныне в сновидение юного поэта, но выглядел он не похожим на описание матери. Был он огромен, но на том сходство со сказочным чудовищем заканчивалось, потому как его див был вовсе и не див, а гора, поросшая лесом, гора с глазами и ртом – чёрной расселиной. Гора двигалась навстречу бредущему по степи Иману, и он понимал, что избежать столкновения не удастся, ведь степной простор стремительно сужался, обрастал высокими острыми ска-

лами, а ему оставалась лишь тропка, неминуемо ведущая к диву. И Иман оказался перед ним, задрал голову, заглядывал в каменные глаза и ужасался при виде распахнутого огромного рта, из которого в беспорядке торчали человеческие тела. А рот извергнул громогласное: «Отдай её!» Иман в недоумении огляделся, не зная, чего требует ужасный див, и в тот же миг услышал знакомый язвительный смешок.

Айбика сидела на вершине одной из скал и поглядывала на него хитро прищуренным глазом: «Неужто отдашь меня?» – «Не отдам!» – отважно заявил он. Див взревел, сотрясся, погнав по своему телу камни, а следом уже глыбы, грозящие раздавить Имана будто муравышку. Айбика не осталась безучастной, бросила ему косу – длинную и прочную, словно канат, и он принялся карабкаться вверх в надежде избежать мучительной смерти. Вскоре оказался на скале рядом с ней, довольный, хотел усесться у ног девушки, а она неожиданно толкнула его. Он вскрикнул, замычал, пытаясь уцепиться за предательскую руку, но Айбика продолжала толкать его, да ещё приговаривать: «А ну, вставай, соня!»

Иман мотнул головой и вытаращил глаза. Рядом никакого дива, даже Жамал куда-то испарился, а он сам раскинулся на телеге, а над его головой нависало смеющееся лицо Айбики.

– Как же ты собрался меня охранять, если тебя самого можно со двора вместе с арбой вывезти?

Смущённый Иман приподнялся, оправляя ворот кулмэка. И как тут возразишь, права насмешница, во всём права, ведь задремал всего на мгновение, а проспал и первых петухов, и друга-погонщика.

– А Жамал где?

– Сказался, что идёт добывать нам пропитание, но я уверена, заскучал он без своей Лейли.

Иман потёр озадаченно переносицу, как-то несуразно всё складывалось, действовали они с Жамалом не по уговору, каждый сам по себе, а ведь так

до беды недалеко. Тенгиз-Буга опасен, как разъярённый вепрь, он не зря рыл землю возле постоянного двора кривого Дауда, чувствовал след сбежавшей невесты. Мурза в своих поисках не оставит караван-сарай в стороне, его люди будут высматривать, выпрашивать и выслеживать, и тогда, рано или поздно, обратят внимание на погонщика Жамала, если уже не обратили. От одной только мысли, что товарищ может привести за собой соглядатаев Тенгиз-Буги, Иман соскочил с воза. Оглядевшись, произнёс взволнованно:

– Госпожа, вы бы не ходили по двору, скройтесь в доме. Кто знает, кого может занести в эти места?

Айбика удивлённо изогнула бровь:

– Ты уже и тени боишься, которую дерево отбрасывает?

– Я не за себя опасаясь, госпожа! Если мы не поостережёмся, то...

– В моём роду даже девчонки смелей!

– Если вы, бика, решили поиграть с мурзой, а не избегнуть брака с ним, тогда зачем вы вам?!

– Голодному псу в пору объедками довольствоваться, я ему не достанусь никогда! А тем, кто мне служит, следует исполнять приказы, а не мыслить о первенстве над госпожой!

Иман вспыхнул, несправедливые попреки степной княжны задели нешуточно. Отец растил его человеком воспитанным, учтивым, говорил, прежде чем произнесёшь слово, подумай, чем оно обернётся. «От крепкого слова ива ломается, от ласкового слова камень тает», – так говорил его мудрый отец, но разве применимо это к Айбике. Слушая её брань, вспомнишь, как люди говорят: – «Как молнии среди белого дня, бойся женского языка!» Иман не выдержал, выдавил с горечью:

– В слуги мы к вам, госпожа, не напрашивались. Если не нужны – уйдём хоть сейчас.

– Тогда убирайтесь, тусы!

Они разгорячились, говорили, не таясь, и дверной скрип застал их врасплох, Иман замолчал, да только позд-

но, похоже, звуки легко проникали сквозь щели старого жилища.

– Вот уж не думала, – насмешливо протянула Марьям, – что в ваших краях принято сестёр называть госпожой. Я сразу почуяла неладное, только думала, сами поделитесь, какая беда к нам загнала. Видит Аллах, не дожидаться мне признаний! Так для чего вам понадобилось скрываться в таком неподходящем месте? Кто вы и от кого прячетесь?

Жамал их спас, явился вовремя.

– А вот и горячие лепёшки к утренней трапезе.

– Я и сама могла бы испечь! – фыркнула Марьям. – И нечего стоять столбами и радовать соседей перебранками, пошлите в дом, накрою дастархан для дорогих гостей, за ним всё поведаете.

Смущённые, они отправились вслед за хозяйкой. Иман на бику не смотрел, уши его до сих пор горели, но не от возмущения, которому дал волю, а от стыда, что не сдержался и заставил девушку сказать неосторожные слова. Ей во всём Сарае не найти, кто заступится и поможет, ведь самые близкие предали и продали. Айбика положила на него и Жамала, а он будто напросился, заставил в горячности прогнать их. Иман стиснул зубы. Нет уж! Пусть дочь Кайчуры-бека кричит, указывает на порог, кидается обидными словами – он не уйдёт, не покинет беззащитную девушку, если даже самому будет грозить смерть!

Но, устраиваясь в тесной лачуге, юноша задумался, стоит ли открыться Марьям или надо возвести ещё одну ложь. Жамал щурился, озадаченно почёсывая затылок, его, должно быть, заботил такой же выбор. Но Айбика решила за всех, не стала таиться, выложила всё о своём побеге от Тенгиз-Буги. Рассказ получился коротким, но Марьям и этого хватило, она помрачнела, задумалась, машинально покручивая кончик длинной тугой косы.

– Знаю я этого зверя. Мы с Алимджаном по его вине сиротствуем.

Жамал сочувственно вздохнул:

– За Тенгиз-Бугой грехов столько, что и черпаком не вычерпаете, сегодня я не одну жалобу на него в караван-сараяе выслушал.

– С чего это тебе про мурзу рассказывать начали? – насторожился Иман. – Никак про него расспрашивал?

– Нет, брат, я был осторожен, беседа сама собой завелась. Тенгиз-Буга для постояльцев кривого Дауда как кость в горле, стоило одному о нём упомянуть, как все, кто в шалмане сидел, нашли, что добавить. И столько сердечных пожеланий доблестному мурзе вознесли хорошие мусульмане! – Погонщик усмехнулся, взглянул на Марьям. – Я бы и твою историю, красавица, послушал.

– Когда-нибудь расскажу, а сейчас время попробовать лепёшки, пока они совсем не остыли. Когда в животе сожёт от голода, голова не соображает. Да и Алимджан сейчас с кузницы придёт, горн он уже разжёт. А знать ему о ваших делах не следует, он ещё мал. Для него пусть будет всё по-прежнему, как вы сначала придумали. Я помогу, чем сумею, под этим кровом оставайтесь, сколько пожелаете, но будьте осторожны, если вы догадались, где лучше спрятаться, то и мурзе такая мысль может в голову прийти. Кузнечная слобода под боком караван-сарая, где след госпожи затерялся, Тенгиз-Буга рано или поздно решит обыскать все дворы и дома и найдёт. Искать этот зверь умеет!

Марьям ещё больше помрачнела, и Жамал подумал, что неспроста девушка не хочет делиться воспоминаниями, видимо, слишком тяжки они были. Но он хотел взять этот груз себе, лишь бы карие глаза красавицы озарились светом улыбки, и она позабыла бы о своих горестях. Жамал очнулся от того, что Иман окликал его, не первый раз спрашивая, что он слышал о мурзе в караван-сараяе, а погонщик уловил это только тогда, когда Марьям засмеялась:

– Уж не оглох ли ваш брат?

– Меня Жамалом зовут, – хрипло отозвался он, ответив не на настойчивый вопрос Имана, а на безликое об-

ращение девушки: «ваш брат». Пусть Иман с госпожой Айбикой присваивают себе чужие имена, а он для Марьям хочет быть только Жамалом, как назвали его мать с отцом.

Она не смутилась, глядела прямо, лишь чуть прикрыла ореховые глаза стрелами чёрных ресниц:

– Я запомню твоё имя, Жамал, пусть будет доволен тобой Аллах.

Погонщик кивнул и повернулся к Иману:

– В караван-сараяе говорили, что Тенгиз-Буга пока не появлялся, но доносчиков у него не перевелось, во все углы заглядывают, всё ещё надеются, что госпожа спряталась где-то на постоялом дворе. Шептались, что обидели даже кайрского купца, содрали с его жены чадру, заподозрив, что под ней их беглянка укрывается. А ещё отправили погоню за караваном багдадцев, что ушёл на рассвете – опасались, что госпожа могла затесаться среди танцовщиц, купленных для эмира тех мест.

Айбика хмыкнула, довольная тем, что ей удалось запутать соглядатаев мурзы, да и его самого.

– Пусть скажут за всеми караванами на свете и обойдут все постоянные дворы! Я и здесь не буду засиживаться, завтра же купите коней и под покровом ночи умчимся. Марьям права, после они возьмутся шерстить слободы, к счастью, Сарай велик, мурзе не хватит и тысячи слуг, чтобы перерыть всю столицу. – И добавила еле слышно: – Мне бы только добраться до айлов отца, только бы увидеть своих...

– Что-то Алимджан не торопится, схожу-ка за ним, – озабочено произнесла Марьям.

Но Иман почувствовал неловкость при последних словах бики, напомнившей ему невольню об Одиноким Охотнике, потому вызвался сам:

– Если позволите, схожу позвать Алимджана. Я в кузницах никогда не бывал, интересно взглянуть.

– Взгляни, – вздохнула хозяйка дома, – только это давно не прежняя кузья, как при отце была.

Алимджан постукивал небольшим молотком, выковывая круглые железные бляхи, огонь в горне был слаб, и работа у мальчишки не спорилась. Иман сердечно поприветствовал юного кузнеца.

– Хороший у тебя заказ...

– Разве это заказ? – Алимджан бросил на гостя недовольный взгляд. – Отец меня оружие учил выковывать, а это мелочёвка, недостойная внимания! Позволили бы мне саблю выковать или хотя бы наконечники для стрел!

Разговор об оружии вновь заставил Имана вспомнить об Уктае, покушавшемся на жизнь солтана Джанибека. Айбика стремится к воинам своего племени, надеется у них найти защиту. А Одиноким Охотник принадлежал к воинам рода Янгир-бия, к тем самым, на покровительство которых рассчитывала дочь Кайчуры-бека. Уктай теперь пленник солтана, живым он от ханских палачей уже не уйдёт, но он кричал о других, о тех людях Кайчуры, что придут отомстить за своего предводителя. А вдруг они, незамеченные, скрываются в Сараяе, ждут подходящего для отмщения часа? Как их ловкость, умения и сила пригодились бы Айбике. Иману хотелось поделиться этими мыслями со всеми, но тогда пришлось бы рассказать о своей причастности к неудавшемуся покушению.

Юноше искренне хотелось позабыть то роковое происшествие около главной мечети столицы, но не желал забывать Тенгиз-Буга. Мурза неустанно напоминал солтану Джанибеку о недавнем посягательстве на его жизнь.

В этот час он стоял в приёмной Джанибека и, склонив голову, докладывал о завершившемся только что допросе Одиноким Охотника. В пыточной камере зиндана дожидалось казни окровавленное, едва дышащее тело Уктая, палачам оказалось по силам разверзнуть сотню ран на воине, не оставив живого, не истерзанного места, но так и не удалось вытянуть долгожданные признания. Кроме проклятий хану Узбеку и его сторонникам, они не услышали

ничего. Злоумышленник не поведал, где прячутся его сообщники, не признал соучастником и поэта, так крепко задевшего самолюбие Тенгиз-Буги. Мурза мысленно поклялся, что он ещё отыщет того, кто назвался Иманом, его проводчики обшарят все медресе столицы, и тогда наступит время поквитаться с дерзким шакирдом. Юнец стал причиной его унижения, да и инстинктом опытного охотника мурза чуял противника и желал раздавить его, прежде чем тот проявит себя. Такая тактика не раз помогала господину из рода Кият в его продвижении по службе, он умело подставлял своих соперников, когда они ещё не представляли большой опасности, избавлялся от тех, кто имел шансы приблизиться к трону. Тенгиз-Буга полагал, если дашь вырасти щенку, он и в волка может превратиться. Казалось, какой волк из мальчишки-поэта, но воспоминание о нём вызывало у мурзы неясное беспокойство, и он вновь упорно возвращался мыслями к нему. Вот и сейчас при докладе солтану не удержался, добавил:

– Зря мы выпустили из виду вашего спасителя из Камышлы, не прикажите ли, мой господин, отыскать его и проследить, какая нужда на самом деле привела его в благословенную столицу нашего повелителя? Подозрительно всё это! И в сказку о медресе не верю, да и вам, солтан, она показалась чересчур складной.

Мурза моргнул опухшими веками, он не знал покоя уже две ночи, первую не успел заснуть из-за побега Айбики, вторую провёл в зиндане, пытаясь пресупеть в допросе приверженца бека. К гибели Кайчуры Тенгиз-Буга лично руку приложил, как и солтан Джанибек, ведь царевичу было выгодно усиление мурзы, и он одобрил его стремление жениться на дочери бека и обрести власть над непокорным племенем. Сколько воинов могли дать эти гордые кочевники! А ханский сын неспроста копил воинскую силу, он помнил, что отец признаёт наследником Тинибека, хотя старший отпрыск нечасто радовал

строгую родителя. На просторах Великого Улуса в дни, когда повелитель отойдёт в мир иной, следующим господином Орды станет тот, кто окажется готов к этому. И Джанибек точно знал, как он должен подготовиться. Тенгиз-Буга в решающий момент возглавит свои отряды, а для их усиления необходимы тысячи Кайчуры, потому сейчас следует поощрить и поддержать верного сторонника. Мурза пожелал уничтожить неразумного поэта, эту пылинку под подошвой сильных мира сего, ради чего ему мешать, пусть исполнит свою прихоть. Джанибек повернулся к почтительно ожидавшему его решения вельможе:

– Разыщи его, мурза, ты прав, он и мне показался неискренним.

Тенгиз-Буга склонился, скрывая улыбку удовлетворения, попятился к выходу, но солтан вдруг остановил его вопросом:

– А я могу тебя поздравить, мурза? Ты сочетался браком с дочерью Кайчуры?

Вопрос словно громом поразил. Мужчина замер, забыв разогнуться, так и остался в поклоне с прижатой к груди ладонью. А мысли в голове летали роем растревоженных пчёл, больно жалили, заставляя быстрее соображать. Вопрос господина он мог растолковать по-разному: либо Джанибеку доложили о провале затеи недоброжелатели, всегда готовые подставить подножку, либо солтан находился в неведении и спросил из желания поторопить своего слугу исполнить задуманное ими. Дрожь пробежала по большому сильному телу Тенгиз-Буги, он с опаской поднял глаза и натолкнулся на недоумённый взгляд Джанибека.

– Никах ещё не совершён?

– Не совершён, господин, – пробормотал мурза. – Айбика противится, а я не хотел бы...

– Я тебя не узнаю, мурза! – перебил своего начальника охраны Джанибек. – Ты не можешь уговорить девушку? А ведь слывёшь любимцем женщин!

Тенгиз-Буга перевёл дух. Солтан,

похоже, не знал о побеге бики, и ему осталось лишь сослаться на непокорность девчонки.

– Она строптивей своего отца, ведь какие только дары ей не подносил, чем только не радовал! А столько сладких речей за всю свою жизнь не произносил!

– Так возьмись за плётку! – нетерпеливо махнул рукой ханский сын. – Есть женщины, которые добрые слова не понимают, им следует показать силу!

– Благодарю вас за совет, господин. – Тенгиз-Буга вновь поклонился. – Я попытаю и это. Позвольте идти?

– Ступай!

Солтан отвернулся, явно выражая своё недовольство, но мурза порадовался тому, как вывернулся из опасной ситуации, ведь узнай господин истинную причину, одним неодобрением царевича не обойтись. А пока Тенгиз-Буга получил заметное преимущество: у него оставалось время найти беглянку и ему позволили силой принудить Айбику к браку.

Покинув дворец, мурза от души расхотался, какое же удовольствие ему доставит покорение своенравной бики! Уж она почувствует руку мужчины, который умеет добиваться самых недостижимых целей, только пусть проявит себя, всплывёт со дна, куда запряталась. Выберется – и тут же попадёт в одну из ловушек, которые по его приказу расставили повсюду, а не выберется, так он перероет весь Сарай ал-Джадид!

Джанибек же, оставшись один, достал из тайника бумаги. Свёрнутое послание содержало донос эмира, приближённого ко двору царевича Тинибекка. Старший брат солтана ныне управлял Сыгнаком, подданными он был любим, отличался разумными распоряжениями и способствовал процветанию этого благословенного уголка великой империи хана Узбека. Но эмир, преданный Джанибеку, а верней его всемогущей матери – ханше Тайдуле, отыскал изъяны в безупречном правлении наследника. Стоило лишь доставить письмо повелителю и добавить

несколько капель яда к изложенному на бумаге. Он недолго думал, кто может стать гонцом, отправился к матери.

Ханша Тайдула в этот летний день отдыхала в саду. Любимая беседка госпожи была обставлена в соответствии с её вкусом в золотых тонах, муслиновые занавеси трепетали на ленивом ветерке, силы которого не хватало, чтобы охладить капризную женщину. Она не выносила жару, и содержала целый штат мальчиков с опахалами, сопровождавших её повсюду. Двое из них и сейчас усердно обмахивали госпожу перьями диковинных птиц, и Тайдула задремала, но, заслышав шаги на песчаной дорожке, приоткрыла глаза и встретила улыбкой любимого отпрыска.

– О, мой сын, мне не могло присниться лучшего сна. Ты, наконец, решил навестить свою мать, выбрал для меня свободную минутку.

Джанибек опустил на колени и приник губами к рукам хрупкой женщины. Он уже привык к лёгким пощёлкам матери, ей всегда было мало его внимания, как и всего, что ханша в избытке имела в этой жизни. Тайдула была ненасытна, но именно её алчность и жажда заполучить власть, все блага и привилегии играли на руку не менее амбициозному сыну.

– Я пришёл к вам, как только смог вырваться. Для меня нет большего счастья, чем лицезреть вас, матушка. Своей мудростью вы озаряете этот мир, а красотой затмите даже солнце.

– Ну-ну, лъстец, хотелось бы услышать, какие слова ты напеваешь своим женщинам, раз говоришь такое своей стареющей матери.

Тайдула открыто кокетничала, она знала о своей власти над мужчинами, а более всего о сильной привязанности супруга. И сейчас, когда молодые годы остались позади, она не перестала притягивать повелителя, и хан Узбек предпочитал проводить ночи в её объятьях, забывая о других жёнах и заставляя скучать в одиночестве наложниц. Поговаривали, что секрет в привлекательности Тайдулы крылся в

редкостной женской особенностью – хан каждую ночь находил в ней девственности. Злопыхатели дивились тому, как эта маленькая, больше похожая на подростка женщина, не обладавшая ослепительной красотой, умела очаровать и взять в плен любого, кого хоть раз потрудились завоевать. В рядах её сторонников состояли самые влиятельные и могущественные эмиры, самые искусные в интригах слуги, и вот один из них принёс долгожданные плоды – отыскал лазейку к безупречности царевича Тинибека. Джанибек протянул ей письмо:

– Госпожа моего сердца и души, наш час настал, эмир прислал весточку из Сыгнака.

Тайдула встрепенулась, вспыхнула неподдельной радостью и, выхватив бумагу из рук сына, впилась в неё жадным взглядом.

– Но мне казалось, что доказательства о несостоятельности Тинибека управлять Великим Улусом будут куда более весомыми.

– Нам не в чем упрекать эмира, ханум, он сделал куда больше, чем мог. Послание заронит сомнение в душу повелителя, а если к сомнению прибавить несколько слов к месту, Тинибек быстро окажется в немилости.

Тайдула усмехнулась, потрепала сына за плечо:

– Не ошиблась в тебе, солтан, в подобных делах ты скоро превзойдёшь меня. Я отыщу нужные слова в беседе с супругом, поднесу их на золотом блюде истины, ведь даже подданные Улуса знают, кто будет лучшим господином для них, когда повелителя не станет. А приправой к блюду пусть станет письмо нашего эмира, оно сделает его острее. Будь уверен, в этот раз Тинибек впадёт в немилость, а там всего шаг до опалы. Только ты, мой непревзойдённый сын, мой любимый Джанибек, никогда не забывающий о своей матери, достоин трона Улуг-Улуса!

Царевич в очередной раз склонился низко, приложил к своему лбу полу парчового, щедро расцвеченного узорами халата Тайдулы. Иногда его одолевали сомнения, и он терялся в поис-

ках тайных помыслов могущественной ханши. Почему мать поддерживала его, так нещадно пытаясь утопить старшего сына? Только сейчас он получил ответ, а скорей всего догадался о нём. Тайдула и тогда, когда хан покинет этот мир, не желала выпускать поводья правления из своих цепких рук. С Тинибекком её могуществу пришёл бы конец. Сын давно отдалился от неё, всю свою любовь дарил жене, умереть готов был за свою Малику, с которой у старшей госпожи никогда не было лада.

И Тайдула, поджав ярко окрашенные кармином губы, думала о том же. Ей вспоминался старший сын – поджарый, высокий, с прямой, гордо выпрямленной спиной, с лицом таким красивым и чувственным, что женщин в его присутствии бросало в томительную дрожь. Брала ханум обиду на первенца, так быстро отдалившегося и отдавшего своё сердце и душу без остатка смазливой багдадской кокетке. Тайдула вновь взглянула на письмо и рассмеялась. Час падения Тинибека и Малики приближался. Госпожа не умела долго грустить, поводов для тоски было немного, ведь повелитель её слушал и любил. Когда-то она отодвинула всех соперниц, преодолела множество преград. Хан благодарил Всевышнего за жену, в которой находил не только утешение для чресел, но и умную, проницательную союзницу. Узбеку казалось, что они дышат одними помыслами, движутся к одной цели, заботятся о процветании улуса, вверенного его заботам. Он и сейчас прислушается к её доносу.

Тайдула не стала медлить, отправилась к повелителю. Прислужники, низко склонившись, распахнули створы двери. Хан знал, кого они впускают, она могла входить в его покои и без доклада. Повелитель смотрел на свою ханум с улыбкой – женщина выглядела очаровательно в своих многочисленных шёлковых одеждах, накинутых одна поверх другой, в замысловатом головном уборе из муслина и золотой парчи. Лицо Тайдулы казалось непривычно узким с острым подбородком, оно так не походило на круглые, скуластые

овалы степных красавиц. Но кочевую кровь выдавали чёрные, как уголья, глаза, вытянутые к вискам не только от рождения, но и искусно нанесёнными красками, и рот пухлый, сочный, кроваво-красный. Неправильные черты женского лица, тем не менее, притягивали взгляд и незаметно брали в плен своим непередаваемым обаянием.

– Как провела день, моя любимая?

– Без вас, повелитель, день похож на долгую ночь без сна. А тут ещё вести одна за другой, и все недобрые. Осмеюсь ли нарушить ваш покой?

Узбек нахмурился. Он устал, с утра принимал послов, потом заседал в диване, а жена говорила загадками, заставляя напрягать с трудом соображавшую голову. Давно минуло время молниеносных решений, когда хан заранее предугадывал, с чем явился к его трону докладчик. Стал он тяжёл, неповоротлив, по-стариковски медлителен, и так же лениво двигались его мысли.

– Если нарушен твой покой, Тайдула, то и мне не заснуть. Говори прямо, с чем пришла.

Она огорчённо вздохнула, помедлила, прежде чем извлекла из широкого рукава свитки. Покачала головой, будто в раздумье, зазвенели длинные чулпы, сверкнувшие дорогими камнями.

– Думала скрыть, повелитель, но не смею, хотя речь о моём сыне. Но коли виновен, не стану молить и заступаться, ведь солтан давно не малое дитя, должен отвечать за необдуманные слова и поступки.

Хан нахмурил лоб ещё сильнее, между складками тёмной, как медь, кожи застыли капельки пота, в покоях было душно, несмотря на все старания прислуги сохранить прохладу. В Сарае в эти дни установилась небывалая для начала лета жара, суховей надувал со степных просторов горячий воздух, не помогали каменные стены и прикрытые ставни.

– О каком из солтанов речь? – потребовал ответа он, недовольный тем, что Тайдула тянула, не указывала прямо на провинившегося. Он бы мог прочесть имя в свитке, но ослабел глаза-

ми, и чёткая вязь письма расплывалась и двоилась, лишь усиливая раздражение. – Так какой из ваших сыновей – Тинибек или Джанибек?!

– Тот, кто отдалился от нас, господин, – со вздохом отвечала женщина. – Услали вы Тинибека учиться улусом управлять, а он погряз в бездельной роскоши. Его расходы давно превысили суммы, положенные солтану по статусу, мне и копии счетов прислали. Ах, если б только это, повелитель! Наш зять Харунбек в каждой весточке упоминает о натянутых отношениях с царевичем, и всё оттого, что Тинибек не одобряет ваше решение отдать Нуриджан-ханчу за сына хорезмского бека. Брак давно состоялся, а солтан продолжает выражать своё недовольство.

– Недовольство моим решением?

Тайдула с удовлетворением отметила, как сурово сдвинулись брови и поджались истончившиеся губы мужа. Хан Узбек не терпел своевольства, это только казалось, что он дал старшему сыну все права для господства над Сыгнаком, но выходить за рамки, очерченные когда-то повелителем, не позволялось никому. Касалось это не только государственных дел, но и семьи повелителя. Кто бы посмел оспорить решения хана, правившего огромной державой, Великим Улусом, раскинувшимся от моря до моря? Пусть Тинибек и объявлен наследником, но ему не позволено даже в мыслях оспаривать решения правителя. Искры, загоревшиеся в расширившихся глазах Узбека, не предвещали ничего хорошего для Тинибека, но Тайдула и не подумала остановиться.

– Только ли вашими решениями он недоволен, мой любимый муж?! Один из эмиров, посланный с царевичем в Сыгнак, с прискорбием сообщает о самом скверном промахе нашего сына. Промах ли это или что большее, не допусти Аллаха, не мне, слабой женщине, судить. Тут уж и письма эмира читать не надо, взгляните только, повелитель, что он прислал.

Тайдула всё из того же рукава с ловкостью факира с базарной площади извлекла бархатный кошель, а из

него вытрясла монету. Обычный с виду серебряный дирхем, на который Узбек взглянул с недоумением.

– Что хочет сказать эмир этой монетой, зачем прислал?

– А вы поближе взгляните, мой господин. Здесь рядом с вашим именем имя Тинибека выбито. Вот ведь как не терпится царевичу ваше место занять, повелитель.

Если всё, что ханша говорила прежде, лишь разгоняло кровь властителя Орды, то последняя стрела попала прямо в цель. Узбек рыкнул, выхватив монету из рук жены, он шурился, пытаясь разглядеть выбитые на монете надписи. От ярости всё плыло перед глазами. Хан швырнул дирхем на пол, кинулся к двери, ударив по ней ладонью так, что затрещало крепкое дерево. Испуганные слуги, позабыв о церемонных поклонах, распахнули створки с невиданной поспешностью. Повелитель размахисто шагнул в проём, позабыв уже о возмутительнице своего спокойствия, он шёл по дворцу, зычно призывая главу канцелярии и писца...

Хан Узбек вошёл к Тайдуле на расвете. Она ещё нежилась в постели и смущённо ойкнула, посетовав на свою утреннюю неприбранность. Только мужа её красота сейчас волновала меньше всего, он с угрюмым видом присел на край ложа, усталым жестом откинув полу парчового халата. Тайдула машинально отметила эту усталость и не смененную со вчерашнего вечера одежду господина. Похоже, повелитель провёл бессонную ночь, и она опасалась радоваться заранее, в своих решениях Узбек бывал непредсказуем. Вот и сейчас неожиданно склонился к ней, но не приласкать, а крепко ухватить за распутившуюся косу и притянуть к своему побагровевшему лицу.

– Это твоя вина, Тайдула! Твоим заботам доверены наши дети, и кого мне наказывать, когда они переступают порог неповиновения?

Она ощутила, как пересохло горло, хватанула невольно ртом насыщенный

благовониями воздух покоев. Сейчас индийские ароматы, призванные усиливать женскую привлекательность, показались приторными до тошноты. Тайдула видела близко сузившиеся глаза хана, и страх сжимал её в беспощадные тиски. Когда-то эти глаза были цвета благородного янтаря, и в них плавали золотистые искорки, теперь яркость потускнела, утерялся задорный блеск молодости. В этот миг глаза повелителя ничем не напоминали влюблённого мужчины, это был взгляд палача, приготовившего удавку. Тайдуле на мгновение показалось, что Узбеку открылись все её интриги от малой до великой, и час расплаты пришёл, она собрала всю свою волю в кулак, чтобы выдохнуть с готовностью:

– Казните меня, повелитель, если в том только моя вина, если это я отослала Тинибека в Сыгнак. И за то предайте смерти, что оказалась так далеко. И за то, что любимая и поддерживаемая вами невестка Малика завладела сердцем, душой и помыслами нашего старшего сына. И за то, что Джанибек остаётся преданным и послушным вам, господин. Казните меня, любимый муж, я готова предстать перед Всевышним.

Хватка ослабела, она почувствовала его колебания, почти звериным чутьём ощутила, как сомнения овладевают ханом. Искать дальше пути оправдания не стала, лишь прошептала обречённо:

– Позвольте помолиться перед смертью, повелитель.

Тайдула лукавила, уже поняла, что опасность отступила, змея поиграла своим язычком, но яд не разбрызгала. Что ещё могло разжалобить правосудного солтана, как не упоминание о молитве, возносимой Всевышнему? Узбек отпустил жену, отвернулся, оставившись в пол на красивый узор толстого ковра. О чём он думал, Тайдула не могла угадать, но она сумела оправдаться и выпутаться из тенёт своей же паутины. Хан вздохнул, расправил ссутулившиеся плечи.

– Я издал указ. Тинибек лишён права наследования. Отныне вслед за моим именем будут оглашать солтана Джанибека.

– Да будет доволен им Аллах, – еле слышно пробормотала Тайдула. Она смотрела на мужа восхищённым, искрящимся горячей благодарностью взглядом. – Вы, как всегда, приняли мудрое решение, повелитель.

Он тяжело усмехнулся, поднявшись, прошёл к дверям и уже оттуда возвестил:

– На монетные дворы Улуса отправлены гонцы. Управителям дворов приказано выбивать на монетах рядом с моим именем имя наследника Джанибека. И первые монеты отправят в Сыгнал, пусть наш старший сын полюбуется последствием своих необдуманных поступков.

Она едва не задохнулась от радости, склонилась, провожая грозного супруга, а сама уже предвкушала, как преподнесёт обе вести лелеемому любимцу. Тайдула радовалась своей догадливости, тому, как, не надеясь на доносы ближних слуг Тинибека, отправила старшему сыну фальшивое письмо с печатью повелителя, где солтану приказывалось чеканить монеты не только с именем хана Узбека, но и с упоминанием наследника. Тинибек осмотрительностью не отличался, потому попал в расставленную западню, и сегодня Тайдула пожинала плоды ловкой интриги. Ханша уже позабыла, что сама едва не стала жертвой этой ловушки. Но разве вспомнишь об отступившей угрозе, когда интрига так блестяще завершилась?

Тайдула отправила прислужницу за Джанибеком и повелела достать самые лучшие драгоценности, камни которых изумительно подходили к новому наряду. Придворные искусницы скроили его из тончайшего китайского шёлка с сычуаньской узорной вышивкой. Тайдуле захотелось предстать перед новым наследником великой империи ослепительной красавицей, очаровать, опутать тенётами. Пусть младший сын

увидит в ней не только мать и могущественную союзницу, но и женщину, которой будет восхищаться бесконечно. А уж она постарается, позаботится о том, чтобы в гареме Джанибека не появилась вторая Малика, не позволит младшему сыну так увлечься женщиной, чтобы отодвинуть в сторону собственную мать.

Ах, Малика! Сколько забот прибавила Тайдуле тогда ещё совсем юная бика, дочь шейха и племянница нынешнего султана Ирака. Красота девушки осветила солнцем весь Сарай, заморозила даже стареющего повелителя. Ею открыто восхищались простолюдины, славили прекрасную невесту наследника Тинибека, стоило возку Малики появиться на улицах столицы. Тайдула скрипнула зубами, ей и по сей день набивало оскомину воспоминание о триумфе ненавистной снохи. Увёз Тинибек свою жену в Сыгнал и будто занозу из сердца Тайдулы вынул. Ханша вновь заблестала во дворце мужа, выслушивали цветистые восхваления раболепных придворных, опять овладела вниманием Узбека, а вот Тинибека потеряла. Не сразу это заметила, а когда поняла, возненавидела Малику пуще прежнего.

Не ко времени вспомнилась госпоже соперница, словно туча нашла на гладкий, не тронутый морщинами лоб женщины. Не порадовал даже приход Джанибека. А солтан поспешил к ней, догадался, что неспроста ханша призывает его в такую рань.

– Плохие вести, матушка? – спросил он, увидев её мрачную задумчивость.

Тайдула передёрнула узкими плечами.

– Не даёт мне покоя змея, затаившаяся в Сыгнаке!

Джанибек, набравшись терпения, почтительно ожидал, когда мать выговорится. За её словами порой сложно было угадать, о ком она ведёт речь, за мыслями пылкой госпожи не угнаться и на ретивом жеребце, вот царевич и слушал внимательно, зная, что она доберётся до сути. Но невольно вздрогнул,

когда Тайдула с отвращением выплюнула имя:

– Пусть Аллах покарает Малику! Этой багдадской выскочке предначертано гореть в аду за то, что сделала нас врагами с Тинибеком!

Джанибек склонил голову, на этот раз не из почительности, а, чтобы мать не разглядела его покрасневшего лица. Царевич не мог забыть дочь шейха Али, ставшую женой старшего брата, не смог изгнать из сердца восхищение очарованием Малики, в ушах так и слышался мелодичный голос, одним лишь своим звучанием берущий в плен. Какие она слова тогда нашла для него, юнца, проникшего к невесте брата, чтобы сказать, как она прекрасна? «Ах, мой Джанибек, подрасти немного!» Посмеялась или дала надежду на будущее? Об этом он гадал который год, с тех пор, как восхитительная Малика покинула Сарай, мгновенно потускневший без неё для царевича. Ненависть матери ничего не меняла для Джанибека, голос дочери шейха Али продолжал звучать волшебной музыкой в его ушах, стоило только остаться наедине со своими мыслями: «Подрасти, Джанибек, подрасти...»

А Тайдула, похоже, выговорилась, успокоившись, поёрзала на суфе, где восседала с поджатыми ногами, и поправила раскинутые по сторонам полы тончайших шёлковых халатов. Он наблюдал за ней из-под приспущенных ресниц. Своим нарядом мать напоминала царевичу чудную птицу, из тех, что с большим трудом удавалось привезти торговцам из Инда или Китая. Только вот голос Тайдулы не превратился в птичью трель, ханша протянула к солтану руки и заявила с нескрываемым торжеством:

– Но она, наконец-то, проиграла! Скорпионша добивалась возвышения, а получит изгнание!

Как бы то ни было, а презрительные слова о прекрасной Малике оживили Джанибека, но вовсе не сами слова, а то, что скрывалось за очередным злобным выпадом ханши. Как долго он дви-

гался к цели, то полз ужом, то пересаживался на неторопливого верблюда, и только вчера удалось вскочить на иноходца, домчавшего солтана к этому часу. Ещё мгновение назад он не знал, сумела ли вставшая на его сторону ханум отодвинуть одного сына ради другого дитя. Что чувствует женщина-мать, делая такой выбор? И какой выбор сделает Малика, когда весть долетит до неё? Джанибек удивился, как велик и многообразен рой отрывочных мыслей, разом навалившихся на него. Как же он ждал и надеялся на свержение старшего брата. Как долго все его думы сводились к Сыгнаку и правившему там Тинибеку. К счастливцу Тинибеку, ставшему наследником лишь потому, что Всевышний так рано призвал к себе любимца отца Тимурбека. К счастливцу Тинибеку, получившему и Сыгнак, и самую прекрасную из женщин. Никто не мог поручиться, что хан-отец не останется благосклонен к наследнику, не посчитает письмо эмира всего лишь доносом обойдённого чем-то придворного. Невыносимые мысли о том, что Тинибек и в этот раз выйдет сухим из воды, мысли, сжатые в тугой ком, бились в висках болезненными толчками крови. Но в один миг боль ушла, схлынуло напряжение, державшее Джанибека в тисках, радость сполохом метнулась в тёмно-карих глазах. Солтан бросился на колени, благодарно прикикая к протянутым ладоням матери:

– Госпожа моя, неужто, повелитель решил изгнать Тинибек?!

Она кокетливо сощурилась, ласково потрепала сына по щеке.

– Об изгнании твоего брата, солтан, ничего не ведаю, но хан издал важный указ. С этого утра, мой отважный беркут, тебя объявят наследником!

Джанибек не сдержал короткого, ликующего вскрика. Всё переменялось, он не ошибся, иноходец привёл его к цели – долгожданной, желанной, дарующей сотню привилегий! Он поднялся с колен, и матери, обожавшей младшего сына, привиделось, что он даже стал

выше ростом. О! Тайдула уже видела Джанибека во всём его будущем величии.

– Ты будешь великолепен в ханских одеждах, – мечтательно проворковала она. – Никто не помешает тебе подняться на трон Сарая, хан уже так стар...

Солтан внезапно испугался. Доносчики могли быть повсюду, даже среди самых преданных людей матери, а Тайдула порой бывала так самоуверенна и неосторожна. Что ж, если они донесут сказанное ханшей до ушей повелителя, то пусть отец услышит и его слова!

– Для меня нет никого дороже и ближе нашего хана, я, не задумываясь, отдам за него жизнь, всю свою кровь до капли. Пусть никогда не коснутся его болезни, пусть он правит нами вечно...

Царевич осёкся под недоумённо-удивлённым взглядом матери.

– Наш повелитель не летает в небесах, Джанибек, он знает, что его земной путь подходит к концу, потому и принял такое решение, – Тайдула растянула губы в загадочной улыбке. – А кроме того, мой сын, вскоре мы увидим монеты, где рядом с именем хана будет красоваться и твоё.

Она спустила ноги с суфы, поднялась, призывая царевича в объятия. Он подчинился, жадно вслушиваясь в её шёпот:

– Тинибек за эту вольность утерял доверие и расположение отца, а тебе повелитель даровал привилегию, которую никому не давал прежде. А кто помог Тинибеку допустить роковую ошибку? Ты не догадываешься, милый?

Усмешка затаилась в уголках губ Джанибека, он понял, что недосказала ханша. Его изворотливая матушка, непревзойдённая в дворцовых интригах, не стала полагаться на единственное письмо, принесённое им вчера, Тайдула доставила хану нечто большее, что уже не оставляло надежды для беспечного Тинибека.

– Вы не пожалеете о своём выборе, моя госпожа. Никогда мне не забыть, как милостивы вы ко мне, матушка.

Она кивнула головой и поцеловала его.

– Пусть будет доволен тобой Аллах, Джанибек. Мы выиграли эту битву, но не забывай, предстоит ещё ни одно сражение.

– Моя сабля всегда наготове! Да не омрачат вас эти заботы, ханум, позвольте вашему сыну взять их на себя.

Она уже не видела, как хищно раздулись его ноздри и ощерился рот, приоткрыв крупные белые зубы. Он достиг первой цели, совершив даже не шаг – прыжок! Джанибек шагал по дворцу поступью повелителя, солтан уже ощущал на своих плечах кунью ханскую шубу, крытую золотой парчой, голову отягощавшую драгоценный убор, – он чувствовал себя правителем Улуг-Улуса. Мать мечтала восседать с ним рядом, хотела властвовать и указывать ему, по какой дороге ступать. Он мог бы смириться с необходимостью оказывать Тайдуле все знаки почёта и сыновьяго уважения, но никогда не согласится делить власть. Ханше придётся отступить, поклониться ему, признав превосходство своего сына. И с Маликой, если однажды прекраснейшая из женщин окажется рядом с ним, он заставит Тайдулу примириться. Только пока дело не сделано, матери не следует знать о затаённых, спрятанных даже от самого себя мыслях...

Так думал царевич Джанибек, уже нацеливаясь на долгое правление в час, когда его старый отец и не собирався в сады Аллаха.

Иману снилась мать. Во сне ему всегда хотелось прижаться к матери, как тогда в детстве, но всё, что она ему позволяла – это поговорить с ней. И о мыслях, что его мучили, она знала без объяснений и ответов, не ожидая его вопросов. «Ты не виновен, сынок, тот человек был обречён, на плохое дело он решился. Ты поступил, как твоя совесть велела, не суди собственную совесть, она следует велениям Всевышнего». Она уходила, как всегда, не прощаясь, но в этот раз обернулась, чтобы

предупредить: «Берегись, Иман, врагов у тебя не счесть. Будь осторожен на том пути, который выбрал»...

Он пробудился, как от толчка, но никто не стоял над ним, рядом мирно похрапывал Жамал, рассвет ещё только забрезжил на востоке тонкой красно-ватой полоской. По небу словно раскинули штуку тончайшего китайского шёлка с бледными разводами серого, жёлтого и розового. Постепенно шёлк небосвода менялся, играл цветами, приобретает яркость и новые краски.

Иман лежал, закинув руки за голову, любуясь пробуждавшейся степью, и думал о матери, об её предупреждении. Он и сам предчувствовал, как опасно не просто помогать дочери опального Кайчуры, но даже находиться около неё. Сейчас старался не думать об Одинокоем Охотнике, вспоминались его слова об отмщении. Уктай не со злобы кидался угрозами, что-то или кто-то стоял за его словами, а раз он был не один, то где-то в Сарае скрываются воины бека. Айбика как-то в разговоре обмолвилась, что ещё до казни отца его люди пригнали табуны для продажи. Если не найдутся воины, поклявшиеся как Одинокий Охотник, отомстить за смерть своего господина, то пригодятся мирные торговцы. С ними госпожа сможет добраться до своего улуса, они справятся куда лучше, чем он с Жамалом. Иман постарался отмахнуться от мысли, что ищет предлог, как отказаться от поездки, на которую прежде решился. Непременно нужно отыскать соплеменников бики, а там, если они с Жамалом будут нужны, отправятся из Сарая вместе. Приняв решение, не противоречащее голосу собственной совести, Иман вновь погрузился в объятья сна – самого сладкого, глубокого и спокойного, более не омрачённого тревожными сновидениями.

Сразу после полуденной молитвы, посоветовавшись, Иман с Жамалом решили отправиться на Ат-Базар, они намеревались не только купить коней, но и порасспросить торговцев о соплемен-

никах бики. Собрались идти вдвоём, но Айбика помешала их намерениям, встала на пороге.

– Пойду с вами!

Юноши переглянулись.

– Госпожа, а как же Тенгиз-Буга, он вас ищет повсюду? – попытался отговорить девушку Иман.

Но упряmica не думала сдаваться.

– Вы решили, что я доверю кому-то выбор моего коня? Один из вас знает толк лишь в верблюдицах, другой, возможно, может отличить язык Фирдоуси от Низами, но совсем не разбирается в скакунах.

Иман в очередной раз призвал себе на помощь терпение. Речи госпожи никогда не были намазаны мёдом, но нынче они жалили больней осы.

– Как будет угодно, бика, пожелали закончить свой путь в Сарае, пусть так и будет, – с притворной покорностью отозвался Иман, даже голову склонил безропотно, но Айбику в своём смиреннии не убедил.

Она фыркнула и, ненадолго скрывшись в лачуге, явилась перед друзьями в уже знакомом чапане с чужого плеча, в малахае, надвинутом на самые брови. Перед ними опять был тот самый мальчишка, которого Иман принял за сторожа амбара в караван-сараяе Дауда.

– А так мой путь не закончится в Сарае? – насмешливо переспросила Айбика. – Ни один доносчик Тенгиз-Буги не заподозрит в оборванце невесты своего господина. Да они скорей поверят, что луна посреди бела дня сменила солнце, чем догадаются, что высокородная бика позволит себе рядиться под нищего!

Юноши опять переглянулись, поняв друг друга без слов, приходилось смириться с сумасбродной выходкой госпожи. Она из тех, кого ничем не напугать и не переубедить. И в лошадином племени дочь Кайчуры-бека могла разбираться лучше них, одно было плохо: как при Айбике расспрашивать торговцев о людях из её рода, чем объяснить такой интерес?

Следуя вслед за преобразившейся госпожой, Жамал подтолкнул Имана локтем.

– Может, придумаем правдоподобную ложь? – шепнул он.

– Ложь всегда откроется, – хмуро отозвался Иман.

Он подумывал, не рассказать ли Айбике об их задумках, а заодно и покаяться в участии задержания Одинокого Охотника. Не смог долго носить в себе эту невольную вину, открыл её погонщику верблюдов, но Жамал был другом, братом, обретенным в пути и ставшим ближе всех на свете, он поддержал и нашёл слова утешения. Ждать такого же всепрощения от бики не приходилось. Презрение – вот наименьшее наказание, которое он получит в ответ на признание.

Незаметно для себя они добрались до главной площади столицы, а там вновь собралась людская толпа. Это была та самая площадь, где стояла мечеть с зелёными воротами с одной стороны, а на другом краю раскидывал обширные крылья Ак-Базар. Памятное место внесло сумятицу в невесёлые мысли поэта. Конный базар находился далеко отсюда, но словно в укор ему ноги донесли их до этой площади. Они не нашли иного пути, не отыскиали в огромном городе обходной дороги, оказалось, в том был знак свыше.

– Казнь, – пробормотала Айбика, замедлив шаг.

До площади девушка спешила без остановок, хотя не забывала о своей роли, крутя головой по сторонам, подобно любопытному мальчишке, порой насвистывая и строя уморительные рожицы встречавшимся им всадникам. А тут вдруг испугалась, напомнила воробышка, вжавшего голову в ворот серого чапана, она даже непроизвольно схватила за руку Имана, будто искала его защиты.

– Здесь казнили моего отца, и опять ведут какого-то несчастного.

Юноша вынужден был признать правоту бики, народ собрался здесь неспроста, он заметил сколоченное воз-

вышение посреди площади, а после по гулу толпы и повернувшимся головам угадал, откуда ведут осуждённого. Иман вздрогнул, когда увидел, кого втокнули на помост для казни. Уктай, гордо выпрямившись, озирает море лиц, обращённых на него. Рядом с Иманом жалобно, словно вывели на казнь её, простонала Айбика. Не стоило и гадать, она узнала обречённого. Люди перешёптывались, разглядывая суровое лицо воина, указывали на вытатуированный крест-аджи на лбу Одинокого Охотника. Ещё многим не забылся Небесный Тенгри, и знали они, что это символ принадлежности к древнейшей вере кочевников, он изображал мир – рум, то, откуда всё берёт начало и куда всё возвращается. Ожидавший смерти воин не боялся её, он вырос в той вере, где смерть принимали с открытым лицом, поклонники Тенгри не превращались в ничто, они лишь возвращались туда, откуда когда-то пришли.

Но вот Айбика не скрывала своего ужаса, она обхватила шею Имана, прячась на его груди, тело девушки сотрясала мелкая дрожь, она не могла удержаться отчаянных всхлипов. В толпе, где сочувствующие преступнику могли оказаться под пристальным вниманием стражей, оставаться было опасно, к ним и так уже повернулось несколько голов. И юноша, удерживая госпожу, попятился назад, продираясь сквозь строй напирających зевак. Жители Сарая, охочие до любых зрелищ, сбегались к месту казни отовсюду, и им не сразу удалось выбраться на одну из улиц, примыкавших к площади. По сравнению с шумом, рождённым людским гулом, ударами булавы о большой барабан и зычными выкриками глашатаев, здесь царил тишина, но она была сильнее оглушительного грома. Грудь девушки бурно вздымалась, будто она не выбиралась из толпы, а оббежала половину огромного города. Задышавшись, она пробормотала прерывисто:

– Уктай... Это наш Уктай. Молочный брат отца. Самый близкий ему, самый преданный.

Жамал сдвинул на затылок тубейку, вздохнул сочувственно.

– Глашатаи кричат, что его казнят за покушение на наследника Джанибека. Солтан Джанибек этим утром объявлен наследником повелителя. Вот не повезло бедняге, попробуй он убить кого другого...

– Пусть обрушится на их головы гнев Тенгри, – сквозь зубы процедила Айбика. Она уже взяла себя в руки, выпрямилась, сверкнув чёрными глазницами. – Пусть будут прокляты предатели, схватившие его!

Подняв голову, Иман шагнул вперёд, навстречу своему наказанию, но он и рта не успел открыть, как Жамал быстро заговорил, закрывая путь к признанию друга:

– Вы упоминали, госпожа, про людей вашего рода, тех, что пригоняли табуны для продажи. Если мы отыщем их на Ат-Базаре, не придётся и лошадей покупать.

Она взглянула поражённо:

– Как я раньше об этом не подумала? Если я их найду, то смогу обойтись без вас. Люди Белого Волка не бросают друг друга в беде, а если опасность нависла над головой дочери предводителя, то они все, как один, возьмут в руки луки и сабли. Мне больше нечего тревожиться о Тенгиз-Буге, пусть мурза боится нас! – Она решительным жестом выпустила из-под шапки на волю косу. – Они помогут мне добраться до наших айлов, а потом мы отомстим, за всех – за отца, за дядю Уктая, за всех!

Такого поворота дружья не ожидали, от растерянности оба потеряли дар речи. Айбика умела удивлять, но в этот раз безрассудством превзошла саму себя. Со стороны она выглядела забавной в не по размеру большом, болтавшемся на ней чапане, в несуразной шапке, но Иман с Жамалом понимали, что угрозы дочери Кайчуры нешуточные. Только могли ли они исполниться? Иману вдруг стало обидно за то, что вот так просто бика отодвинула их от себя, нашла других защитников, да и не нашла ещё вовсе, а от них отказалась...

– Пусть будет по-вашему, госпожа, – глухо проговорил он. – Но этих людей ещё надо сыскать. Вот встретим их, и тогда исполним ваше пожелание. А пока опасность никуда не ушла, любой прохожий может оказаться человеком мурзы.

Ему показалось, или она ступала под его осуждающим взглядом? Стянула шапку и вновь напялила её, старательно спрятав косы под лохматой овчинной опушкой. Буркнула под нос, не глядя на обоих:

– Другой дорогой пойдём. Если через слободу медников напрямик пройти, как раз на Ат-Базар выйдем.

Слобода медников мало отличалась от Кузнечной, в приземистых лачугах также дымились горны, слышался то весёлый, то глухой перестук наковален. Иман взглянул на идущего рядом Жамала, погонщик верблюдов нашёл занятие, скрашивающее путь, – палкой сбивал верхушки приземистой степной полыни. Она в изобилии росла вдоль обмазанных глиной оград, и запах её отдавал горечью, такими же горькими становились мысли. О чём бы Иман ни думал в этот час, всё сводилось к девушке, упрямо вышагивающей впереди них.

– Что будем делать, если отыщутся соплеменники госпожи? – с угрюмым видом поинтересовался он у друга.

Жамал пожал плечами:

– Твой путь известен, брат, отправишься в медресе, исполнишь давнюю мечту. А я в караван-сараях расспрошу, кто из баши собирается в дальнюю дорогу. Нам с Лейли работа всегда найдётся. А может...

Погонщик не договорил, но по мечтательному выражению лица Иман догадался, о ком подумал его друг. Дочь кузнеца Марьям прочно поселилась в сердце Жамала, глядишь, и не пойдёт он с караваном по бескрайней степи, останется в большом городе рядом с любимейшей девушкой.

Конный базар в Сараях поразил Имана – перед ним стоял не базар, а лежа-

ла степь, где паслись сотни тысяч лошадей, с гиканьем пронеслись табунщики, щёлкавшие длинными плетьюми. Кочевники, показывающие свой товар лицом, не подпирали спинами стойла, они раскручивали арканы, вылавливая понравившегося коня прямо из табуна. А рядом ударяли по рукам заключившие крупную сделку, тогда уже пастухи покупателя брали дело в свои руки и гнали выбранный табун в удел нового владельца. Нашлись и стойла со штучным товаром – настоящими скакунами, около которых толпились любопытствующие. Здесь продавались марвари, известные своей необыкновенной выносливостью и мягким ходом, позволявшим без труда преодолевать даже вязкие пески; послушные воле хозяина ахалтекинцы и арабские жеребцы, возвращённые бедуинами. Все они отличались не только восхищающей глаз статью и красотой, но и всеми достоинствами, ценными горячими наездниками. Цена такого товара будоражила умы обывателей, она могла превысить стоимость табуна, а за более благородную особь выкладывали тысячи динаров. На Ат-Базаре эти кони были подобны шахам и солтанам, только ленивый не любовался ими, но Айбика в их сторону и не посмотрела.

– Я наших кочевых лошадок ни на кого не променяю, – проворчала она, стоило её спутникам задержаться около стойла с великолепным жеребцом с лебединой шеей, блестящая шерсть которого отливала чистейшим серебром. – Вы бы поищите тех, кто нам нужен, я пришла сюда не в толпе зевак толочься!

– Терпи, брат – заговорщицки прошептал Жамал. – Скоро мы избавимся от этой колючки. Клянусь Всевышним, не будь я так добросердечен, от души пожелал бы Тенгиз-Буге отыскать бикю и жениться на ней. Уж она подсыплет перца в его жизнь, покрутится мурза, как на горячей жаровне.

Иман друга почти не слушал, всматривался в лица кочевников-торговцев, только разве угадаешь среди них

соплеменников княжны? Кайчура-бек на своих людях тамгу не ставил, в отличие от лошадей. Сравнение пришло на ум вовремя. Табуны, вот как можно отыскать тех, кому доверит свою судьбу Айбика.

– Госпожа, каким знаком метят коней в ваших стойбищах?

По тому, как сложились губы девушки, Иман уже ожидал язвительный ответ, но бика, передумав, кивнула головой:

– А ты – молодец, даром что сочинитель, догадался, как решить дело. – Она огляделась, подняла с земли кусок коры, на нём и вырезала знак из трёх сведённых треугольником подков. – Вот тамга бека Кайчуры.

Иман давно приметил, у кого можно получить нужные сведения, толстый привратник со скучающим видом восседал на толстой кошме – изучал загнутые носки собственных ичиг. На юношу он едва взглянул, но блеснувшая в его руке монета заставила стража ворот приосаниться, одёрнув простой суконный чапан. Шад-ага на этом месте служил недавно, поначалу решил, что отыскал золотое дно, но доход привратника Ат-Базара не сравнить с тем важным чиновником, что сидит у Ат-Базара, там каждый норовит сунуть монетку или какое другое подношение. Здесь быток невелик, что взять с кочевников, не ведающих о негласных законах, царящих в больших городах. А этот юноша, должно быть, с пониманием, знает, к кому и как обратиться. Шад-ага потянулся за монеткой, но проситель с ловкостью фокусника скрыл её в ладони.

– Узнать хотел.

– Спрашивайте, уважаемый.

– Коней хотел купить. Были у вас торговцы издалека, табуны такой тамгой помечены?

Иман протянул кору с нацарапаным знаком, но привратник лишь отмахнулся.

– Где эти торговцы и их табуны, давно их ветром сдуло в ту сторону, откуда прибыли. Здесь коней тысячи, с любим торгуйся.

– Мне только эти нужны. Дела у меня с ними, договорённость была. Вот пришёл, а найти не могу. – Иман вновь блеснул заманчивой монетой.

Шад-ага сложил губы трубочкой, то ли обиделся, то ли раздумывал, наконец, изрёк, протянув широкую ладонь вперёд, вроде бы указывая ею, а вроде и намекал, куда следует опустить подношение:

– Остались двое, вон у тех загонов. Как будто чего-то опасаются, поторавливаются продать, уже и цену скинули. Если не сторговались с кем, успеете, уважаемый.

Монета упала в протянутую ладонь и тут же исчезла, зажата алчными пальцами, а Иман уже спешил к оставленным у коновязи Айбике с Жамалом. Слегка поклонившись, произнёс негромко:

– Ступайте за мной, госпожа. Ваши люди у дальнего загона, только их всего двое.

Этих двоих они угадали сразу, как только дошли до указанного привратником места, хмурого вида кочевники в овчинных бешметах без рукавов держались особняком, будто и не торговали, а прятались от всех за своим табуном. Да и табун был невелик, паслось в загоне не более сотни лошадей.

– Вы знаете их, госпожа? – шёпотом спросил Жамал.

Айбика головы к нему не повернула.

– Погонщик, в нашем племени тысячи людей, разве может дочь бека знать всех в лицо? Табунщики мне незнакомы, но, коли торгуют лошадьми с тавром отца, значит, они – люди бека Кайчуры.

Она взглянула на Имана. Как ни высокомерен был её ответ Жамалу, но поэт угадал смятение, царившее в душе девушки, и увидел немой призыв о помощи. Юноше ничего не оставалось, как первому вступить в переговоры:

– Нам бы коней купить.

Отозвался старший из кочевников с изрезанным морщинами лицом:

– Мы весь табун продаём. Торопимся.

– Табун нам ни к чему. Нам бы скакунов для нас троих.

Узкие глаза торговца, утопавшие в складках век, блеснули презрением:

– Куда уж вам заплатить за весь табун, гольтьба! Ступайте отсюда, мы не тратим время на пустую болтовню.

Иман ответить не успел, Айбика решительно выступила вперёд, скинув с головы шапку.

– Дочь своего господина не узнаёшь, пастух?! Как смеешь разговаривать так непочтительно? Мой отец с последним невольником обращался любезней, а ты, видимо, забыл, к какому племени принадлежишь!

В глазах кочевника метнулось изумление и что-то ещё, от чего холодок близкой опасности пробежался по спине Имана. Ничто не предвещало угрозу, но интуитивно он отступил назад, готовясь отразить нападение. А между тем оба кочевника с торопливыми поклонами сбивчиво приносили извинения бике. Тот, что постарше, называл себя Хазаром, другой – невзрачный и малорослый – носил прозвище Белекеч*. Перепуганные, они спешили оправдаться:

– Какое несчастье, госпожа! Сразу после казни нашего бека табунщики спешно покинули Сарай, отправились в айлы. Опасаются нападения, никто не знает, как хан распорядится нашей судьбой!

– Уже распорядился, – сквозь зубы процедила она. – Пожелал отдать меня и вас всех мурзе Тенгиз-Буге. Так что готовьтесь, возвратимся и мы.

Табунщик отчего-то испугался, моргнул нервно.

– Сейчас, госпожа?

– Чего нам ждать? Оседлаем коней и – в путь.

– Упряжь надо купить, – промямлил Хазар, – только ведь наши лошади осёдланы, бика, а вам и вашим спутникам надо бы прикупить.

– Забыл, с кем говоришь? Я в вольной степи выросла, не неженка, могу и

* Белекеч (тат.) – малыш, маленький.

без седла отправиться. По дороге купим, что потребуется.

– Как же припасы? Нам лучше избегать айлов, а до улуса неблизко.

Айбика поморщилась, махнула досадливо рукой:

– Будь по-твоему, купи всё, что требуется. – Подумав, она достала монеты, вырученные за чулпы. – Этого хватит сполна, и поторопись! А упряжь нужна лишь для меня, эти двое с нами не едут.

На своих спутников Айбика не смотрела. Жамал пихнул Имана в бок:

– Видал, госпожа нас с арбы скинула и даже не оглянулась.

– Не нравится мне этот Хазар.

– Не наша забота, брат. Какова госпожа, такие у неё и слуги. Всё в воле Аллаха, освободился ты от ярма, завтра в медресе отправишься.

Погонщик мог балагурить сколько угодно, но Имана не покидало беспокойство, зудело, как укус зловредного насекомого. Только и с Жамалом не мог не согласиться, Айбика в их защите больше не нуждалась, нашла людей из своего улуса. Ему бы последовать совету друга, попрощаться со своенравной дочерью Кайчуры и ступать стезёй поэта. Но душа не хотела мириться с тем, что не увидит он больше живых, полных искристого огня глаз Айбики, не услышит едких насмешек, к которым начинал привыкать. Он, конечно, не рождён быть рабом взбалмошной госпожи, и чувствует себя скорее её заступником. Он не воин, не так искусен в стрельбе из лука, как некоторые, не приходилось держать в руках саблю, побеждая в бою, но Иман готов был грудью закрыть девушку от опасности, потому что чувствовал, что за показной независимостью бика скрывает собственную растерянность и беспомощность. Не мог он доверить её даже соплеменникам, не показались они надёжными и преданными. Если во всём улусе Кайчуры тысяча табунщиков, эти, должно быть, худшие из всех. От них так и смердит страхом, а ещё... Иман такое и вымолвить не смог бы, но не получалось избавиться от ощущения близкого предательства.

Жамал тянул его за рукав:

– Пойдём, брат. В наших услугах здесь больше не нуждаются. Зайдём в лавку со сладостями, хочу поблагодарить Марьям за гостеприимство, купить что-нибудь.

Иман не отводил глаз от Айбики, но она его взгляда не замечала, шагала впереди переваливающегося с ноги на ногу низкорослого Белекеча, выбирая в табуне коня для себя. Видно, суждено было им расстаться, не услышав не только слова благодарности, но и обычного прощания. В этом была вся Айбика, ворвалась в его жизнь незваной и уходила, не спросив, может ли он бросить начатое дело, и кем будет чувствовать себя при этом.

Иман выдохнул, словно скинул груз с поникших плеч:

– Ты прав, Жамал, нам нечего здесь делать. Пойдём. Я видел несколько лавок со сладостями неподалёку от главной мечети.

Площадь, на которой стояла мечеть, юноши, не сговариваясь, обошли стороной. После казни Уктая прошло немного времени, и они опасались увидеть последствия кровавой расправы. На душе Имана и так было тяжело, а от мысли о человеке, в смерти которого себя винил, стало ещё хуже. Он позабыл о покупках, и Жамалу пришлось окликать его, когда Иман прошёл мимо.

– Мне говорили о рассеянности поэтов, якобы они сочиняют свои творения на ходу, и ни о чём больше не думают в этом мире. Но ведь ты сам направил нас по этому пути, с чем же мы явимся к Марьям?

Иман достал из кошелька пару монет, протянул погонщику:

– Выбери сам, что пожелаешь, я останусь на свежем воздухе.

Жамал не стал уговаривать, похлопал по плечу и отправился за сладостями один.

Иман заметил напротив лавку с книгами и тут уж не выдержал, хотя знал, что в тратах следует себя ограничивать. Он вошёл в обитель тяжёлых томов, в

которых, подобно жемчужине в раковине моллюска, укрывались назм и наср – знания улемов и учёных, красивый слог поэтов и народная мудрость. Сам Махмуд-варрак* в отсутствие покупателей, сидел за письменным столиком, поджав ноги, и старательно трудился над перепиской книги. Иман не увидел в этом ничего удивительного, в большинстве своём книготорговцы продавали товар собственного изготовления.

Их рукописи не претендовали считаться верхом искусства, не писались на дорогой бумаге, не украшались золотыми узорами, не одевались в драгоценные футляры. Издавна для удешевления книг переписчики помещали свои листы в неброский кожаный переплёт, довольствовались для украшения простым геометрическим орнаментом и писали на обычной белой бумаге.

Но юноше понадобился каламдане – кожаный футляр, в который помещали всё необходимое для письма. Его прежний был потерян в тот памятный день, когда ретивые слуги Тенгиз-Буги бесцеремонно вытрясли хурджин поэта на землю. Он выбрал самый неприятельный, простой, но вместительный, и со шнуром, за который каламдане можно было прикрепить к поясу. Расплачившись с торговцем, Иман вышел из лавки и огляделся. Жамала не увидел, на торговой улочке ни одного знакомого лица.

Неподалёку чужеземные купцы в непривычной тюркскому взгляду одежде расспрашивали прохожего, должно быть, о дороге на Ак-Базар. От реки поднимались волы, тащили арбы, груженные большими кувшинами с водой. Иман уже знал, эту воду будут развозить по слободам и продавать хозяйкам

за ничтожную плату. Сарайцам куда выгодней купить воды, чем самим таскать её с реки. Иман проводил взглядом воз и, к своему удивлению, увидел спешившего мимо ряда, источавшего медовые запахи, Хазара. Табунщик госпожи Айбики нервно оглядывался, почёсывал затылок, попутно поправляя перекинутую через плечо упряжь. Невдалеке показались всадники, и с похолодевшим сердцем Иман узнал в их предводителе Тенгиз-Бугу. А Хазар неожиданно кинулся с поклонами к мурзе.

Всё смешалось в голове Имана, стиснув зубы, он наблюдал, как изменник что-то докладывает Тенгиз-Буге. В том, что Хазар предатель, юноша уже не сомневался, недаром пастух не понравился ему с первого взгляда. Иман бросился в проулок, ведущий в слободу медников, он помнил о кратчайшем пути до Ат-Базара, но разве пеший обгонит всадников? Не сам ли Всевышний направляет к нему старика, ведущего под уздцы чёрного жеребца. Вытрясенные из кошель монеты легли в узловатую ладонь почтенного медника:

– Мне нужен ваш конь, уважаемый! – запыхавшись, выкрикнул Иман.

Заплатил он щедро, с лихвой на двух коней хватало.

– Бери, сынок, коли нужно.

Старик хотел отсчитать излишнюю плату, но юноша уже взлетел в седло и погнал скакуна вперёд.

Айбику он увидел издали и закричал с ходу:

– Мурза спешит сюда! Скорей, госпожа!

Её не нужно было упрашивать, бика кошкой запрыгнула на коня Белекеча, который мирно пасся неподалёку. Табунщик закричал им что-то вослед, но они уже не слышали его, мчались прочь, вжимаясь в гривы своих скакунов. В ушах их шумел ветер, а подпыта коней ложилась вольная степь.

* Варрак – торговец книгами и канцелярскими товарами.